

rocketbook

ЭТЕЛЬ ЛИЛИАН ВОЙНИЧ

Овод

Этель Лилиан Войнич

Овод

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36065607

Овод: Эксмо; М.; 2018

ISBN 978-5-699-53859-1

Аннотация

Вот уже более ста лет роман «Овод» волнует многие поколения читателей, но встречен он был по-разному. Пуританская Англия отнеслась к нему сдержанно. В Америке он вызвал бурю возмущения своим антирелигиозным характером, в России его восторженно приветствовали, в СССР он издавался миллионными тиражами и был включен в школьную программу. Не случайно название романа: оно отсылает нас к Сократу, принявшему смерть за свои убеждения. Главный герой Овод, подобно греческому мудрецу, остается верен идеям, вдохновлявшим его с юности. Овод – это интернациональный тип революционера. В разные эпохи, разными обществами роман воспринимался неоднозначно. Сегодня он вновь может найти своих поклонников.

Содержание

От автора	5
Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	19
Глава III	33
Глава IV	44
Глава V	58
Глава VI	68
Глава VII	87
Часть вторая	107
Глава I	108
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Этель Лилиан Войнич

Овод

© Волжина Н., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

От автора

Приношу глубочайшую благодарность всем тем в Италии, кто оказал мне помощь по сбору материалов для этого романа. С особой признательностью вспоминаю любезность и благожелательность служащих библиотеки Маручеллиана во Флоренции, а также Государственного архива и Гражданского музея в Болонье.

Перевод Н. Волжиной

Часть первая

«Оставь; что тебе до нас, Иисус Назарянин?»¹

Глава I

Артур сидел в библиотеке духовной семинарии в Пизе и просматривал стопку рукописных проповедей. Стоял жаркий июньский вечер. Окна были распахнуты настежь, ставни наполовину притворены. Отец ректор, *каноник* Монтанелли, перестал писать и с любовью взглянул на черную голову, склонившуюся над листами бумаги.

– Не можешь найти, *carino*²? Оставь. Придется написать заново. Я, вероятно, сам разорвал эту страничку, и ты напрасно задержался здесь.

Голос у Монтанелли был тихий, но очень глубокий и звучный. Серебристая чистота тона придавала его речи особенное обаяние. Это был голос прирожденного оратора, гибкий, богатый оттенками, и в нем слышалась ласка всякий раз, когда отец ректор обращался к Артуру.

– Нет, *padre*³, я найду. Я уверен, что она здесь. Если вы

¹ Слова бесноватого из Евангелия, обращенные к Христу.

² Дорогой (*итал.*).

³ Отец (*итал.*); у итальянцев – обычное обращение к священнику.

будете писать заново, вам никогда не удастся восстановить все, как было.

Монтанелли продолжал прерванную работу. Где-то за окном однотонно жужжал майский жук, а с улицы доносился протяжный, заунывный крик торговца фруктами: «Fragola. Fragola!»⁴

– «Об исцелении прокаженного» – вот она!

Артур подошел к Монтанелли мягкими, неслышными шагами, которые всегда так раздражали его домашних. Небольшого роста, хрупкий, он скорее походил на итальянца с портрета XVI века, чем на юношу 30-х годов из английской буржуазной семьи. Слишком уж все в нем было изящно, словно выточено, длинные стрелки бровей, тонкие губы, маленькие руки, ноги. Когда он сидел спокойно, его можно было принять за хорошенькую девушку, переодетую в мужское платье; но гибкими движениями он напоминал прирученную пантеру, – правда, без когтей.

– Неужели нашел? Что бы я без тебя делал, Артур? Вечно все терял бы... Нет, довольно писать. Идем в сад, я помогу тебе разобраться в твоей работе. Чего ты там не понял?

Они вышли в тихий тенистый монастырский сад. Семинария занимала здание старинного *доминиканского* монастыря, и двести лет назад его квадратный двор содержался в безупречном порядке. Ровные бордюры из букса окаймляли аккуратно подстриженный розмарин и лаванду. Монахи в бе-

⁴ «Земляника! Земляника!» (*итал.*)

лой одежде, которые когда-то ухаживали за этими растениями, были давно похоронены и забыты, но душистые травы все еще благоухали здесь в мягкие летние вечера, хотя уже никто не собирал их для лекарственных целей. Теперь между каменными плитами дорожек пробивались усики дикой петрушки и водосбора. Колодец среди двора зарос папоротником. Запущенные розы одичали; их длинные спутанные ветки тянулись по всем дорожкам. Среди букса алели большие красные маки. Высокие побеги наперстянки склонялись над травой, а бесплодные виноградные лозы, покачиваясь, свисали с ветвей боярышника, уныло кивавшего своей покрытой листьями верхушкой.

В одном углу сада поднималась ветвистая магнолия с темной листвой, окропленной там и сям брызгами молочно-белых цветов. У ствола магнолии стояла грубая деревянная скамья. Монтанелли опустился на нее.

Артур изучал философию в университете. В тот день ему встретилось трудное место в книге, и он обратился за разъяснением к padre. Он не учился в семинарии, но Монтанелли был для него подлинной энциклопедией.

– Ну, пожалуй, я пойду, – сказал Артур, когда непонятные строки были разъяснены. – Впрочем, может быть, я вам нужен?

– Нет, на сегодня я работу закончил, но мне бы хотелось, чтобы ты немного побыл со мной, если у тебя есть время.

– Конечно, есть!

Артур прислонился к стволу дерева и посмотрел сквозь темную листву на первые звезды, слабо мерцающие в глубине спокойного неба. Свои мечтательные, полные тайны синие глаза, окаймленные черными ресницами, он унаследовал от матери, уроженки Корнуэлла. Монтанелли отвернулся, чтобы не видеть их.

– Какой у тебя утомленный вид, carino, – проговорил он.

– Что поделаешь...

В голосе Артура слышалась усталость, и Монтанелли сейчас же заметил это.

– Напрасно ты спешил приступить к занятиям. Болезнь матери, бессонные ночи – все это изнурило тебя. Мне следовало настоять, чтобы ты хорошенько отдохнул перед отъездом из *Ливорно*.

– Что вы, padre, зачем? Я все равно не мог бы остаться в этом доме после смерти матери. Джули довела бы меня до сумасшествия.

Джули была жена старшего сводного брата Артура, давний его недруг.

– Я и не хотел, чтобы ты оставался у родственников, – мягко сказал Монтанелли. – Это было бы самое худшее, что можно придумать. Но ты мог принять приглашение своего друга, английского врача. Провел бы у него месяц, а потом снова вернулся к занятиям.

– Нет, padre! Уоррены – хорошие, сердечные люди, но они многого не понимают и жалеют меня – я вижу это по их ли-

цам. Стали бы утешать, говорить о матери... Джемма, конечно, не такая. Она всегда чувствовала, чего не следует касаться, – даже когда мы были еще детьми. Другие не так чутки. Да и не только это...

– Что же еще, сын мой?

Артур сорвал цветок с поникшего стебля наперстянки и нервно сжал его в руке.

– Я не могу жить в этом городе, – начал он после минутной паузы. – Не могу видеть магазины, где она когда-то покупала мне игрушки; набережную, где я гулял с нею, пока она не слегла в постель. Куда бы я ни пошел – все то же. Каждая цветочница на рынке по-прежнему подходит ко мне и предлагает цветы. Как будто они нужны мне теперь! И потом... кладбище... Нет, я не мог не уехать! Мне тяжело видеть все это.

Артур замолчал, разрывая колокольчики наперстянки. Молчание было таким долгим и глубоким, что он взглянул на padre, недоумевая, почему тот не отвечает ему. Под ветвями магнолии уже сгущались сумерки. Все расплывалось в них, принимая неясные очертания, однако света было достаточно, чтобы разглядеть мертвенную бледность, разлившуюся по лицу Монтанелли. Он сидел, низко опустив голову и ухватившись правой рукой за край скамьи. Артур отвернулся с чувством благоговейного изумления, словно нечаянно коснувшись святыни.

«О боже, – подумал он, – как я мелок и себялюбив по срав-

нению с ним! Будь мое горе его горем, он не мог бы почувствовать его глубже».

Монтанелли поднял голову и огляделся по сторонам.

– Хорошо, я не буду настаивать, чтобы ты вернулся туда, во всяком случае теперь, – ласково проговорил он. – Но обещаю тебе, что ты отдохнешь по-настоящему за летние каникулы. Пожалуй, тебе лучше провести их где-нибудь подальше от Ливорно. Я не могу допустить, чтобы ты совсем расхворался.

– Padre, а куда поедете вы сами, когда семинария закроется?

– Как всегда, повезу воспитанников в горы, устрою их там. В середине августа из отпуска вернется мой помощник. Тогда отправлюсь бродить в Альпах. Может быть, ты поедешь со мной? Будем совершать в горах длинные прогулки, и ты познакомишься на месте с альпийскими мхами и лишайниками. Только боюсь, тебе будет скучно со мной.

– Padre! – Артур сжал руки. Этот привычный ему жест Джули приписывала «манерности, свойственной только иностранцам». – Я готов отдать все на свете, чтобы поехать с вами! Только... я не уверен...

Он запнулся.

– Ты думаешь, мистер Бертон не разрешит тебе?

– Он, конечно, будет недоволен, но помешать нам не сможет. Мне уже восемнадцать лет, и я могу поступать как хочу. К тому же Джеймс ведь мне только сводный брат, и я вовсе не

обязан подчиняться ему. Он всегда недолюбливал мою мать.

– Все же, если мистер Бертон будет против, я думаю, тебе лучше уступить. Твое положение в доме может ухудшиться, если...

– Ухудшиться? Вряд ли! – горячо прервал его Артур. – Они всегда меня ненавидели и будут ненавидеть, что бы я ни делал. Да и как Джеймс может противиться, если я еду с вами, моим духовником?

– Помни: он *протестант*! Во всяком случае, лучше написать ему. Посмотрим, что он ответит. Побольше терпения, сын мой. В наших поступках мы не должны руководствоваться тем, любят нас или ненавидят.

Это внушение было сделано так мягко, что Артур только чуть покраснел, выслушав его.

– Да, я знаю, – ответил он со вздохом. – Но ведь это так трудно!

– Я очень жалел, что ты не мог зайти ко мне во вторник, – сказал Монтанелли, резко меняя тему разговора. – Был епископ из Ареццо, и мне хотелось, чтобы ты его повидал.

– В тот день я обещал быть у одного студента. У него на квартире было собрание, и меня ждали.

– Какое собрание?

Артур несколько смутился.

– Вернее... вернее, не собрание... – сказал он, запинаясь. – Из Генуи приехал один студент и произнес речь. Скорее это была лекция...

– О чем?

Артур замялся.

– Padre, вы не будете спрашивать его фамилию? Я обещал...

– Я ни о чем не буду спрашивать. Если ты обещал хранить тайну, говорить об этом не следует. Но, я думаю, ты мог бы довериться мне.

– Конечно, padre. Он говорил... о нас и о нашем долге перед народом, о нашем... долге перед самими собой. И о том, чем мы можем помочь...

– Помочь? Кому?

– Contadini⁵ и...

– И?

– Италии.

Наступило долгое молчание.

– Скажи мне, Артур, – серьезным тоном спросил Монтанелли, повернувшись к нему, – давно ты стал думать об этом?

– С прошлой зимы.

– Еще до смерти матери? И она ничего не знала?

– Нет. Тогда это еще не захватило меня.

– А теперь?

Артур сорвал еще несколько колокольчиков наперстянки.

– Вот как это случилось, padre, – начал он, опустив глаза. – Прошлой осенью я готовился к вступительным экзаме-

⁵ Крестьянам (*итал.*).

нам и, помните, познакомился со многими студентами. Так вот, кое-кто из них стал говорить со мной обо всем этом... Давали читать книги. Но тогда мне было не до того. Меня тянуло домой, к матери. Она была так одинока там, в Ливорно! Ведь это не дом, а тюрьма. Чего стоит язычок Джули! Он один был способен убить ее. Потом зимой, когда мать тяжело заболела, я забыл и студентов и книги и, как вы знаете, совсем перестал бывать в Пизе. Если б меня волновали эти вопросы, я бы все рассказал матери. Но они как-то вылетели у меня из головы. Потом я понял, что она доживает последние дни... Вы знаете, я был безотлучно при ней до самой ее смерти. Часто просиживал у ее постели целые ночи. Днем приходила Джемма Уоррен, и я шел спать. Вот в эти-то длинные ночи я и стал задумываться над прочитанным и над тем, что говорили мне студенты. Пытался уяснить, правы ли они... Думал: а что сказал бы обо всем этом Христос?

– Ты обращался к нему? – Голос Монтанелли прозвучал не совсем твердо.

– Да, padre, часто. Я молил его наставить меня или дать мне умереть вместе с матерью... Но ответа не получил.

– И ты не поговорил об этом со мной, Артур! А я-то думал, что ты доверишь мне!

– Padre, вы ведь знаете, что доверяю! Но есть вещи, о которых никому не следует говорить. Мне казалось, что тут никто не может помочь – ни вы, ни мать. Я хотел получить ответ от самого бога. Ведь решался вопрос о моей жизни, о

моей душе.

Монтанелли отвернулся и стал пристально всматриваться в сумерки, окутавшие магнолию. Они были так густы, что его фигура казалась темным призраком среди еще более темных ветвей.

– Ну, а потом? – медленно проговорил он.

– Потом... она умерла. Последние три ночи я не отходил от нее...

Артур замолчал, но Монтанелли сидел не двигаясь.

– Два дня перед погребением я только о ней и думал, – продолжал Артур совсем тихо. – Потом, после похорон, я заболел и не мог прийти на исповедь. Помните?

– Помню.

– В ту ночь я поднялся с постели и пошел в комнату матери. Там было пусто. Только в алькове стояло большое распятие. Мне казалось, что господь поможет мне. Я упал на колени и ждал – всю ночь. А утром, когда я пришел в себя... Нет, padre! Я не могу объяснить, не могу рассказать вам, что я видел. Я сам едва помню. Но я знаю, что господь ответил мне. И я не смею противиться его воле.

Несколько минут они сидели молча, затем Монтанелли повернулся к Артуру и положил ему руку на плечо.

– Сын мой! – проговорил он. – Я не посмею сказать, что господь не обращался к твоей душе. Но вспомни, в каком ты был состоянии тогда, и не принимай болезненную мечту за высокий призыв господя. Если действительно такова была

его воля – ответить тебе, когда смерть посетила твой дом, – смотри, как бы не истолковать ошибочно его слово. Куда зовет тебя твое сердце?

Артур поднялся и ответил торжественно, точно повторяя слова катехизиса:

– Отдать жизнь за Италию, освободить ее от рабства и нищеты, изгнать австрийцев и создать свободную республику, не знающую иного властелина, кроме Христа!

– Артур, подумай, что ты говоришь! Ты ведь даже не итальянец!

– Это ничего не значит. Я остаюсь самим собой. Мне было видение, и я исполню волю господина.

Снова наступило молчание.

– Ты говоришь, что Христос... – медленно начал Монтанелли.

Но Артур не дал ему закончить:

– Христос сказал: «Потерявший душу свою ради меня, сбережет ее».

Монтанелли оперся локтем о ветвь магнолии и прикрыл рукой глаза.

– Сядь на минуту, сын мой, – сказал он наконец.

Артур опустился на скамью, и Монтанелли, взяв его руки в свои, крепко сжал их.

– Сейчас я не могу спорить с тобой, – сказал он. – Все это произошло так внезапно... Мне нужно время, чтобы разобраться. Как-нибудь после мы поговорим об этом подробно.

Но сейчас я прошу тебя помнить об одном: если с тобой случится беда, если ты погибнешь, я не перенесу этого...

– Padre!

– Не перебивай, дай мне кончить. Я тебе уже говорил, что у меня нет никого во всем мире, кроме тебя. Ты вряд ли понимаешь, что это значит. Трудно тебе понять: ты так молод. В твои годы я тоже не понял бы. Артур, ты для меня как... как сын. Понимаешь? Ты свет очей моих, ты радость моего сердца! Я готов умереть, лишь бы удержать тебя от ложного шага, который может погубить твою жизнь! Но я бессилен. Я не требую от тебя обещаний. Прошу только: помни, что я сказал, и будь осторожен. Подумай хорошенько, прежде чем решаться на что-нибудь. Сделай это хотя бы ради меня, если уж не ради твоей покойной матери...

– Хорошо, padre, а вы... вы... помолитесь за меня и за Италию.

Артур молча опустился на колени, и так же молча Монтанелли коснулся его склоненной головы. Прошло несколько минут. Артур поднялся, поцеловал руку каноника и, неслышно ступая, пошел по росистой траве. Оставшись один, Монтанелли долго сидел под магнолией, глядя прямо перед собой в темноту.

«Отмщение господина настигло меня, как царя Давида, – думал он. – Я осквернил его святилище и коснулся тела господня нечистыми руками. Терпение его было велико, но вот ему пришел конец. «Ибо ты содеял это втайне, а я содею пе-

ред всем народом Израилевым и перед солнцем; *сын, рожденный от тебя, умрет»*.

Глава II

Мистеру Джеймсу Бертону совсем не улыбалась затея его сводного брата «шататься по Швейцарии» вместе с Монтанелли. Но запретить эту невинную прогулку в обществе профессора богословия, да еще с такой целью, как занятия ботаникой, он не мог. Артуру, не знавшему истинных причин отказа, это показалось бы крайним деспотизмом, он приписал бы его религиозным и расовым предрассудкам, а Бертоны гордились своей веротерпимостью. Все члены их семьи были стойкими протестантами и консерваторами еще с тех давних пор, когда судовладельческая компания «Бертон и сыновья, Лондон – Ливорно» только возникла, а она вела дела больше ста лет.

Бертоны держались того мнения, что английскому джентльмену подобает быть беспристрастным даже по отношению к католикам; и поэтому, когда глава дома, наскучив вдовством, женился на католичке, хорошенькой гувернантке своих младших детей, старшие сыновья, Джеймс и Томас, мрачно покорились воле провидения, хотя им и трудно было мириться с присутствием в доме мачехи, почти их ровесницы.

Со смертью отца трудное положение в семье осложнилось еще больше женитьбой старшего сына. Впрочем, пока Глэдис была жива, оба брата добросовестно старались защищать

ее от злого языка Джули и как могли исполняли свой долг по отношению к Артуру. Они не любили мальчика и даже не думали этого скрывать. Их чувства к брату выражались главным образом щедрыми подарками и предоставлением ему полной свободы.

Поэтому в ответ на свое письмо Артур получил чек на покрытие путевых издержек и холодное разрешение провести каникулы как ему будет угодно. Он истратил часть денег на покупку книг по ботанике и папок для гербария и вскоре двинулся с padre в свое первое альпийское путешествие.

Артур давно уже не видел padre таким бодрым, как в эти дни. После первого потрясения, вызванного разговором в саду, к Монтанелли мало-помалу вернулось душевное равновесие, и теперь он смотрел на все более спокойно. «Артур юн и неопытен, – думал Монтанелли. – Его решение не может быть окончательным. Еще не поздно – мягкие увещания, вразумительные доводы сделают свое дело и вернут его с того опасного пути, на который он едва успел ступить».

Они собирались провести несколько дней в Женеве, но стоило только Артуру увидеть ее залитые палящим солнцем улицы и пыльные набережные с толпами туристов, как он сразу нахмурился. Монтанелли со спокойной улыбкой наблюдал за ним.

– Что, *carino*? Тебе здесь не нравится?

– Сам не знаю. Я ждал совсем другого. Озеро, правда, прекрасное, и очертания холмов тоже хороши. – Они стояли на

острове Руссо, и Артур указывал на длинные строгие контуры Савойских Альп. – Но город! Он такой чопорный, аккуратный, в нем есть что-то... протестантское. У него такой же самодовольный вид. Нет, не нравится мне он, напоминает чем-то Джули.

Монтанелли засмеялся:

– Бедный, вот не повезло тебе! Ну что ж, мы ведь путешествуем ради удовольствия, и нам нет нужды задерживаться здесь. Давай покатаемся сегодня по озеру на парусной лодке, а завтра утром поднимемся в горы.

– Но, padre, может быть, вам хочется побыть здесь?

– Дорогой мой, я видел все это десятки раз, и, если ты получишь удовольствие от нашей поездки, ничего другого мне не надо. Куда бы тебе хотелось отправиться?

– Если вам все равно, давайте двинемся вверх по реке, к истокам.

– Вверх по Роне?

– Нет, по Арве. Она так быстро мчится.

– Тогда едем в Шамони.

Весь день они катались на маленькой парусной лодке. Живописное озеро понравилось юноше гораздо меньше, чем серая и мутная Арва. Он вырос близ Средиземного моря и привык к голубой зыби волн. Но быстрые реки всегда влекли Артура, и этот стремительный поток, несшийся с ледников, привел его в восхищение.

– Вот это река! – говорил он. – Такая серьезная!

На другой день рано утром они отправились в Шамони. Пока дорога бежала плодородной долиной, Артур был в очень веселом настроении. Но вот близ Клуза им пришлось свернуть на крутую тропинку. Большие зубчатые горы охватили их тесным кольцом. Артур стал серьезен и молчалив. От Сен-Мартена двинулись пешком по долине, останавливались на ночлег в придорожных шале⁶ или маленьких горных деревушках и снова шли дальше, куда хотелось. Природа производила на Артура огромное впечатление, а первый водопад, встретившийся им на пути, привел его в восторг. Но, по мере того как они подходили к снежным вершинам, восхищение Артура сменялось какой-то восторженной мечтательностью, новой для Монтанелли. Казалось, между юношей и горами существовало тайное родство. Он готов был часами лежать неподвижно среди темных, гулко шумевших сосен, лежать и смотреть меж прямых высоких стволов на залитый солнцем мир сверкающих горных пиков и нагих утесов. Монтанелли наблюдал за ним с грустью и завистью.

— Хотел бы я знать, *carino*, что ты там видишь, — сказал он однажды, переведя взгляд от книги на Артура, который вот уже больше часа лежал на мшистой земле и не сводил широко открытых глаз с блистающих в вышине гор и голубого простора над ними.

Решив переночевать в тихой деревушке неподалеку от водопада Диоза, они свернули к вечеру с дороги и поднялись

⁶ *Шале* — домик в горах.

на поросшую соснами гору полюбоваться оттуда закатом над пиками и вершиной Монблана. Артур поднял голову и как зачарованный посмотрел на Монтанелли.

– Что я вижу, padre? Словно сквозь темный кристалл я вижу в этой голубой пустыне без начала и конца величественное существо в белых одеждах. Век за веком оно ждет озарения духом Божиим.

Монтанелли вздохнул:

– И меня когда-то посещали такие видения.

– А теперь?

– Теперь нет. Больше этого уже не будет. Они не исчезли, я знаю, но глаза мои закрыты для них. Я вижу совсем другое.

– Что же вы видите?

– Что я вижу, carino? В вышине я вижу голубое небо и снежную вершину, но вон там глазам моим открывается нечто иное. – Он показал вниз, на долину.

Артур стал на колени и нагнулся над краем пропасти. Огромные сосны, окутанные вечерними сумерками, стояли, словно часовые, вдоль узких речных берегов. Прошла минута – солнце, красное, как раскаленный уголь, спряталось за зубчатый утес, и все вокруг потухло. Что-то темное, грозное надвинулось на долину. Отвесные скалы на западе торчали в небе, точно клыки какого-то чудовища, которое вот-вот бросится на свою жертву и унесет ее вниз, в разверстую пасть ущелья, где лес глухо стонал на ветру. Высокие ели острыми ножами поднимались ввысь, шепча чуть слышно: «Упади на

нас!» Горный поток бурлил и клокотал во тьме, в неизбывном отчаянии кидаясь на каменные стены своей тюрьмы.

— Padre! — Артур встал и, вздрогнув, отшатнулся от края бездны. — Это похоже на преисподнюю!

— Нет, сын мой, — тихо проговорил Монтанелли, — это похоже на человеческую душу.

— На души тех, кто бродит во мраке и кого смерть осеняет своим крылом?

— На души тех, с кем ты ежедневно встречаешься на улицах.

Артур, поеживаясь, смотрел вниз, в темноту. Белесый туман плыл среди сосен, медля над бушующим потоком, точно печальный призрак, не властный вымолвить ни слова утешения.

— Смотрите! — вдруг сказал Артур. — Люди, что бродили во мраке, увидели свет!

Вечерняя заря зажгла снежные вершины на востоке. Но вот, лишь только ее красноватые отблески потухли, Монтанелли повернулся к Артуру и тронул его за плечо.

— Пойдем, carino. Уже стемнело, как бы нам не заблудиться.

— Этот утес — словно мертвец, — сказал юноша, отводя глаза от поблескивавшего вдали снежного пика.

Осторожно спустившись между темными деревьями, они пошли на ночевку в шале.

Войдя в комнату, где Артур поджидал его к ужину, Мон-

танелли увидел, что юноша забыл о своих недавних мрачных видениях и словно преобразился.

– Padre, идите сюда! Посмотрите на эту потешную собачонку! Она танцует на задних лапках.

Он был так же увлечен собакой и ее прыжками, как час назад зрелищем альпийского заката. Хозяйка шале, краснощекая женщина в белом переднике, стояла, уперев в бока полные руки, и улыбалась, глядя на возню Артура с собакой.

– Видно, у него не очень-то много забот, если так заигрался, – сказала она своей дочери на местном наречии. – А какой красавчик!

Артур покраснел, как школьник, а женщина, заметив, что ее поняли, ушла, смеясь над его смущением.

За ужином он только и толковал что о планах дальнейших прогулок в горы, о восхождениях на вершины, о сборе трав. Причудливые образы, встававшие перед ним так недавно, не повлияли, видимо, ни на его настроение, ни на аппетит.

Утром, когда Монтанелли проснулся, Артура уже не было. Он отправился еще до рассвета в горы «помочь Гаспару выгнать коз на пастбище».

Однако не успели подать завтрак, как юноша вбежал в комнату, без шляпы, с большим букетом диких цветов. На плече у него сидела девочка лет трех.

Монтанелли смотрел на него улыбаясь. Какой разительный контраст с тем серьезным, молчаливым Артуром, которого он знал в Пизе и Ливорно!

– Где ты был, сумасброд? Бегал по горам, не позавтракав?

– Ах, padre, как там хорошо! Восход солнца в горах! Сколько в этом величия! А какая сильная роса! Взгляните. – Он поднял ногу в мокром, грязном башмаке. – У нас было немного хлеба и сыра, а на пастбище мы выпили козьего молока... Ужасная гадость! Но я опять проголодался, и вот этой маленькой персоне тоже надо поесть... Аннет, хочешь меду?

Он сел, посадил девочку к себе на колени и стал помогать ей разбирать цветы.

– Нет, нет! – запротестовал Монтанелли. – Так ты можешь простудиться. Сбегай переоденься... Иди сюда, Аннет... Где ты подобрал ее, Артур?

– В самом конце деревни. Это дочка того человека, которого мы встретили вчера. Он здешний сапожник. Посмотрите, какие у Аннет чудесные глаза! А в кармане у нее живая черепаха по имени Каролина.

Когда Артур, сменив мокрые чулки, сошел вниз завтракать, девочка сидела на коленях у padre и без умолку тараторила о черепахе, которую она держала вверх животом в своей пухлой ручке, чтобы «monsieur»⁷ мог посмотреть, как шевелятся у нее лапки.

– Поглядите, monsieur! – серьезным тоном говорила она. – Поглядите, какие у Каролины башмачки!

Монтанелли, забавляя малютку, гладил ее по голове, лю-

⁷ Господин (франц.).

бовался черепахой и рассказывал чудесные сказки. Хозяйка вошла убрать со стола и с изумлением посмотрела на Аннет, которая выворачивала карманы у важного господина в духовном одеянии.

– Бог помогает младенцам распознавать хороших людей, – сказала она. – Аннет боится чужих, а сейчас, смотрите, она совсем не дичится его преподобия. Вот чудо! Аннет, стань скорее на колени и попроси благословения у доброго господина. Это принесет тебе счастье...

– Я и не подозревал, padre, что вы умеете играть с детьми, – сказал Артур час спустя, когда они проходили по залитому солнцем пастбищу. – Ребенок просто не отрывал от вас глаз. Знаете, я...

– Что?

– Я только хотел сказать... как жаль, что церковь запрещает священникам жениться. Я не совсем понимаю почему. Ведь воспитание детей – такое серьезное дело! Как важно, чтобы с самого рождения они были в хороших руках. Мне кажется, чем выше призвание человека, чем чище его жизнь, тем больше он пригоден к роли отца. Padre, я уверен, что если бы не ваш обет... если б вы женились, ваши дети были бы...

– Замолчи!

Это слово, произнесенное торопливым шепотом, казалось, углубило наступившее потом молчание.

– Padre, – снова начал Артур, огорченный мрачным видом

Монтанелли, – разве в этом есть что-нибудь дурное? Может быть, я ошибаюсь, но я говорю то, что думаю.

– Ты не совсем ясно отдаешь себе отчет в значении своих слов, – мягко ответил Монтанелли. – Пройдет несколько лет, и ты поймешь многое. А сейчас давай поговорим о чем-нибудь другом.

Это было первым нарушением того полного согласия, которое установилось между ними за время каникул.

Из Шамони Монтанелли и Артур поднялись на Тэт-Нуар и в Мартиньи остановились на отдых, так как дни стояли душливно-жаркие.

После обеда они перешли на защищенную от солнца террасу отеля, с которой открывался чудесный вид. Артур принес ботанизирку и начал с Монтанелли серьезную беседу о ботанике. Они говорили по-итальянски.

На террасе сидели двое художников-англичан. Один делал набросок с натуры, другой лениво болтал. Ему не приходило в голову, что иностранцы могут понимать по-английски.

– Брось свою пачкотню, Вилли, – сказал он. – Нарисуй лучше вот этого восхитительного итальянского юношу, восторгающегося папоротниками. Ты посмотри, какие у него брови! Замени лупу в его руках распятием, надень на него римскую тогу вместо коротких штанов и куртки – и перед тобой законченный тип христианина первых веков.

– Какой там христианин! Я сидел возле него за обедом. Он

восторгался жареной курицей не меньше, чем этой травой. Что и говорить, юноша очень мил, у него такой чудесный оливковый цвет лица. Но его отец гораздо живописнее.

– Его – кто?

– Его отец, что сидит прямо перед тобой. Неужели ты не заинтересовался им? Какое у него прекрасное лицо!

– Эх ты, безмозглый методист⁸! Не признал католического священника!

– Священника? А ведь верно! Черт возьми! Я и забыл: обет целомудрия и все такое прочее. Что ж, раз так, будем снисходительны и предположим, что этот юноша – его племянник.

– Вот ослы! – прошептал Артур, подняв на Монтанелли смеющиеся глаза. – Тем не менее с их стороны очень любезно находить во мне сходство с вами. Мне бы хотелось и в самом деле быть вашим племянником... Padre, что с вами? Как вы побледнели!

Монтанелли встал и приложил руку ко лбу.

– У меня закружилась голова, – произнес он глухим, слабым голосом. – Должно быть, я сегодня слишком долго был на солнце. Пойду прилягу, *carino*. Это от жары.

Проведя две недели у Люцернского озера, Артур и Монтанелли возвращались в Италию через Сен-Готардский перевал. Погода благоприятствовала им, и они совершили не

⁸ *Методисты* – одна из сект протестантской церкви, возникшая в Англии в XVIII веке.

одну интересную экскурсию, но та радость, которая сопровождала каждому их шагу в первые дни, исчезла.

Монтанелли преследовала тревожная мысль о необходимости серьезно поговорить с Артуром, что, казалось, легче всего было сделать во время каникул. В долине Арвы он намеренно избегал касаться той темы, которую они обсуждали в саду, под магнолией. Было бы жестоко, думал Монтанелли, омрачать таким тяжелым разговором первые радости, которые дает Артуру альпийская природа. Но с того дня в Мартиньи он повторял себе каждое утро: «Сегодня я поговорю с ним» и каждый вечер: «Нет, лучше завтра». Каникулы уже подходили к концу, а он все повторял: «Завтра, завтра». Его удерживало смутное, пронизывающее холодком чувство, что отношения их уже не те, – словно какая-то завеса отделила его от Артура. Лишь в последний вечер каникул он внезапно понял, что если говорить, то только сегодня.

Они остались ночевать в Лугано, а на следующее утро должны были выехать в Пизу. Монтанелли хотелось выяснить хотя бы, как далеко его любимец завлечен в роковые зыбучие пески итальянской политики.

– Дождь перестал, *carino*, – сказал он после захода солнца. – Сейчас самое время посмотреть озеро. Пойдем, мне нужно поговорить с тобой.

Они прошли вдоль берега к тихому, уединенному месту и усадились на низкой каменной стене. Около нее рос куст шиповника, покрытый алыми ягодами. Несколько запоздалых

бледных розочек, отягченных дождевыми каплями, свешивались с верхней ветки. По зеленой глади озера скользила маленькая лодка с легким белым парусом, слабо колыхавшимся на влажном ветерке. Лодка казалась легкой и хрупкой, словно серебристый, брошенный в воду одуванчик. На Монте Сальваторе, как золотой глаз, сверкнуло окно одинокой пастушьей хижины. Розы опустили головки, задремав под облачным сентябрьским небом; вода с тихим плеском набегала на прибрежные камни.

– Только сейчас я могу спокойно поговорить с тобой, – начал Монтанелли. – Ты вернешься к своим занятиям, к своим друзьям, да и я эту зиму буду очень занят. Мне хочется выяснить наши отношения, если ты...

Он помолчал минуту, а потом снова медленно заговорил: – ...и если ты чувствуешь, что можешь доверять мне по-прежнему, то скажи откровенно – не так, как тогда в саду семинарии, – далеко ли ты зашел...

Артур смотрел на водную рябь, спокойно слушал и молчал.

– Я хочу знать, если только ты можешь ответить мне, – продолжал Монтанелли, – связал ли ты себя клятвой или как-либо иначе.

– Мне нечего сказать вам, дорогой padre. Я не связал себя ничем, и все-таки я связан.

– Не понимаю...

– Что толку в клятвах? Не они связывают людей. Если вы

чувствуете, что вами овладела идея, – это все. А иначе вас ничто не свяжет.

– Значит, это... это не может измениться? Артур, понимаешь ли ты, что говоришь?

Артур повернулся и посмотрел Монтанелли прямо в глаза:

– Padre, вы спрашивали, доверяю ли я вам. А есть ли у вас доверие ко мне? Ведь если бы мне было что сказать, я бы вам сказал. Но о таких вещах нет смысла говорить. Я не забыл ваших слов и никогда не забуду. Но я должен идти своей дорогой, идти к тому свету, который я вижу впереди.

Монтанелли сорвал розочку с куста, оборвал лепестки и бросил их в воду.

– Ты прав, carino. Довольно, не будем больше говорить об этом. Все равно словами не поможешь... Что ж... пойдём.

Глава III

Осень и зима миновали без всяких событий. Артур прилежно занимался, и у него оставалось мало свободного времени. Все же раз, а то и два раза в неделю он улучал минутку, чтобы заглянуть к Монтанелли. Иногда он заходил к нему с книгой за разъяснением какого-нибудь трудного места, и в таких случаях разговор шел только об этом. Чувствуя вставшую между ними почти неосызаемую преграду, Монтанелли избегал всего, что могло показаться попыткой с его стороны восстановить прежнюю близость. Посещения Артура доставляли ему теперь больше горечи, чем радости. Трудно было выдерживать постоянное напряжение, казаться спокойным и вести себя так, словно ничто не изменилось. Артур тоже замечал некоторую перемену в обращении padre и, понимая, что она связана с тяжким вопросом о его «новых идеях», избегал всякого упоминания об этой теме, владевшей непрестанно его мыслями.

И все-таки Артур никогда не любил Монтанелли так горячо, как теперь. От смутного, но неотвязного чувства неудовлетворенности и душевной пустоты, которое он с таким трудом пытался заглушить изучением богословия и соблюдением обрядов католической церкви, при первом же знакомстве его с «Молодой Италией»⁹ не осталось и следа. Исчез-

⁹ Тайное революционное общество, основанное в 1831 году Джузеппе Мадзини

ла нездоровая мечтательность, порожденная одиночеством и бодрствованием у постели умирающей, не стало сомнений, спасаясь от которых он прибегал к молитве. Вместе с новым увлечением, с новым, более ясным восприятием религии (ибо в студенческом движении Артур видел не столько политическую, сколько религиозную основу) к нему пришло чувство покоя, душевной полноты, умиротворенности и расположения к людям. Весь мир озарился для него новым светом. Он находил новые, достойные любви стороны в людях, неприятных ему раньше, а Монтанелли, который в течение пяти лет был для него идеалом, представлялся ему теперь грядущим пророком новой веры, с новым сиянием на челе. Он страстно вслушивался в проповеди padre, стараясь уловить в них следы внутреннего родства с республиканскими идеями; подолгу размышлял над Евангелием и радовался демократическому духу христианства в дни его возникновения.

В один из январских дней Артур зашел в семинарию вернуть взятую им книгу. Узнав, что отец ректор вышел, он поднялся в кабинет Монтанелли, поставил том на полку и хотел уже идти, как вдруг внимание его привлекла книга, лежавшая на столе. Это было сочинение Данте «*De Monarchia*». Артур начал читать книгу и скоро так увлекся, что не услышал, как отворилась и снова затворилась дверь. Он оторвал-

(1805–1872), ставившее своей целью борьбу с австрийскими оккупантами, объединение Италии и провозглашение республики.

ся от чтения только тогда, когда за его спиной раздался голос Монтанелли.

– Вот не ждал тебя сегодня! – сказал padre, взглянув на заголовок книги. – Я только что собирался послать к тебе справиться, не придешь ли ты вечером.

– Что-нибудь важное? Я занят сегодня, но если...

– Нет, можно и завтра. Мне хотелось видеть тебя: я уезжаю во вторник. Меня вызывают в Рим.

– В Рим? Надолго?

– В письме говорится, что до конца Пасхи. Оно из Ватикана. Я хотел сразу дать тебе знать, но все время был занят то делами семинарии, то приготовлениями к приезду нового ректора.

– Padre, я надеюсь, вы не покинете семинарию?

– Придется. Но я, вероятно, еще приеду в Пизу. По крайней мере на время.

– Но почему вы уходите из семинарии?

– Видишь ли... Это еще не объявлено официально, но мне предлагают епископство.

– Padre! Где?

– Для этого мне надо ехать в Рим. Еще не решено, получу ли я епархию в Апеннинах или останусь викарием здесь.

– А новый ректор уже назначен?

– Да, отец Карди. Он приедет завтра.

– Как все это неожиданно!

– Да... решения Ватикана часто объявляются в самую по-

следнюю минуту.

– Вы знакомы с новым ректором?

– Лично незнаком, но его очень хвалят. Монсеньор Беллони пишет, что это человек очень образованный.

– Ваш уход – большая потеря для семинарии.

– Не знаю, как семинария, но ты, *carino*, будешь чувствовать мое отсутствие. Может быть, почти так же, как я твое.

– Да, это верно. И все-таки я радуюсь за вас.

– Радуетесь? А я не знаю, радоваться ли мне.

Монтанелли сел к столу, и вид у него был такой усталый, точно он на самом деле не радовался высокому назначению.

– Ты занят сегодня днем, Артур? – начал он после минутной паузы. – Если нет, останься со мной, раз ты не можешь зайти вечером. Мне что-то не по себе. Я хочу как можно дольше побыть с тобой до отъезда.

– Хорошо, только в шесть часов я должен быть...

– На каком-нибудь собрании?

Артур кивнул, и Монтанелли быстро переменял тему разговора.

– Я хотел поговорить о твоих делах, – начал он. – В мое отсутствие тебе будет нужен другой духовник.

– Но когда вы вернетесь, я ведь смогу прийти к вам на исповедь?

– Дорогой мой, что за вопрос! Я говорю только о трех или четырех месяцах, когда меня здесь не будет. Согласен ты взять в духовники кого-нибудь из отцов *Санта-Катарины*?

– Согласен.

Они поговорили немного о других делах. Артур поднялся:

– Мне пора. Студенты будут ждать меня.

Мрачная тень снова пробежала по лицу Монтанелли.

– Уже? А я только начал отвлекаться от своих черных мыслей. Ну что ж, прощай!

– Прощайте. Завтра я опять приду.

– Приходи пораньше, чтобы я успел повидать тебя наедине. Завтра приезжает отец Карди... Артур, дорогой мой, прошу тебя, будь осторожен, не совершай необдуманных поступков, по крайней мере до моего возвращения. Ты не можешь себе представить, как я боюсь оставлять тебя одного!

– Напрасно, padre. Сейчас все совершенно спокойно, и так будет еще долгое время.

– Ну, прощай! – отрывисто сказал Монтанелли и склонился над своими бумагами.

Войдя в комнату, где происходило студенческое собрание, Артур прежде всего увидел подругу своих детских игр, дочь доктора Уоррена. Она сидела у окна в углу и внимательно слушала, что говорил ей высокий молодой ломбардец в поношенном костюме – один из инициаторов движения. За последние несколько месяцев она сильно изменилась, развилась и теперь стала совсем взрослой девушкой. Только две толстые черные косы за спиной еще напоминали недавнюю школьницу. На ней было черное платье; голову она закутала черным шарфом, так как в комнате сквозило. На груди у

нее была приколота кипарисовая веточка – эмблема «Молодой Италии». Ломбардец с горячностью рассказывал ей о нищете *калабрийских* крестьян, а она сидела молча и слушала, опершись подбородком на руку и опустив глаза. Артуру показалось, что перед ним предстало грустное видение: Свобода, оплакивающая утраченную Республику. (Джули увидела бы в ней только не в меру вытянувшуюся девчонку с бледным лицом, некрасивым носом и в старом, слишком коротком платье.)

– Вы здесь, Джим! – сказал Артур, подойдя к ней, когда ломбардца отозвали в другой конец комнаты.

Джим – было ее детское прозвище, уменьшительное от редкого имени Дженнифер, данного ей при крещении. Школьные подруги-итальянки звали ее Джеммой.

Она удивленно подняла голову:

– Артур! А я и не знала, что вы входите в организацию.

– И я никак не ожидал встретить вас здесь, Джим! С каких пор вы...

– Да нет, – поспешно заговорила она. – Я еще не состою в организации. Мне только удалось исполнить два-три маленьких поручения. Я познакомилась с Бини. Вы знаете Карло Бини?

– Да, конечно.

Бини был руководителем ливорнской группы, и его знала вся «Молодая Италия».

– Там вот, Бини завел со мной разговор об этих делах. Я

попросила его взять меня с собой на одно из студенческих собраний. Потом он написал мне во Флоренцию... Вы знаете, что я была на Рождество во Флоренции?

– Нет, мне теперь редко пишут из дому.

– Да, понимаю... Так вот, я уехала погостить к Райтам. (Райты были ее школьные подруги, переехавшие во Флоренцию.) Тогда Бини написал мне, чтобы я по пути домой заехала в Пизу и пришла сюда... Ну, сейчас начнут...

В докладе говорилось об идеальной республике и о том, что молодежь обязана готовить себя к ней. Мысли докладчика были несколько туманны, но Артур слушал его с благоговейным восторгом. В этот период своей жизни он принимал все на веру и впитывал новые нравственные идеалы, не задумываясь над ними.

Когда доклад и последовавшие за ним продолжительные прения кончились и студенты стали расходиться, Артур подошел к Джемме, которая все еще сидела в углу.

– Я провожу вас, Джим. Где вы остановились?

– У Марьетты.

– У старой экономки вашего отца?

– Да, она живет довольно далеко отсюда.

Некоторое время они шли молча. Потом Артур вдруг спросил:

– Сколько вам лет – семнадцать?

– Минувло семнадцать в октябре.

– Я всегда знал, что вы, когда вырастете, не станете, как

другие девушки, увлекаться балами и тому подобной чепухой. Джим, дорогая, я так часто думал, будете ли вы в наших рядах!

– То же самое я думала о вас.

– Вы говорили, что Бини давал вам какие-то поручения.

А я даже не знал, что вы с ним знакомы.

– Я делала это не для Бини, а для другого.

– Для кого?

– Для того, кто разговаривал со мной сегодня, – для Боллы.

– Вы его хорошо знаете?

В голосе Артура прозвучали ревнивые нотки. Ему был неприятен этот человек. Они соперничали в одном деле, которое комитет «Молодой Италии» в конце концов доверил Болле, считая Артура слишком молодым и неопытным.

– Я знаю его довольно хорошо. Он мне очень нравится.

Он жил в Ливорно.

– Знаю... Он уехал туда в ноябре.

– Да, *в это время там ждали прибытия пароходов*. Как вы думаете, Артур, не надежнее ли ваш дом для такого рода дел? Никому и в голову не придет подозревать семейство богатых судовладельцев. Кроме того, вы всех знаете в доках.

– Тише! Не так громко, дорогая! Значит, литература, присланная из Марселя, хранилась у вас?

– Только один день... Но, может быть, мне не следовало говорить вам об этом?

– Почему? Вы ведь знаете, что я член организации. Джемма, дорогая, как я был бы счастлив, если б к нам присоединились вы и... padre!

– Ваш padre? Разве он...

– Нет, убеждения у него иные. Но мне думалось иногда... Я надеялся...

– Артур, но ведь он священник!

– Так что же? В нашей организации есть и священники. Двое из них пишут в газете¹⁰. Да и что тут такого? Ведь назначение духовенства – вести мир к высшим идеалам и целям, а разве не к этому мы стремимся? В конце концов это скорее вопрос религии и морали, чем политики. Ведь если люди готовы стать свободными и сознательными гражданами, никто не сможет удержать их в рабстве.

Джемма нахмурилась:

– Мне кажется, Артур, что у вас тут немножко хромает логика. Священник проповедует религиозную догму. Я не вижу, что в этом общего со стремлением освободиться от австрийцев.

– Священник – проповедник христианства, а Христос был величайшим революционером.

– Знаете, я говорила о священниках с моим отцом, и он...

– Джемма, ваш отец протестант.

После минутного молчания она смело взглянула ему в глаза:

¹⁰ То есть в газете «Молодая Италия».

– Давайте лучше прекратим этот разговор. Вы всегда становитесь нетерпимы, как только речь заходит о протестантах.

– Вовсе нет. Нетерпимость проявляют обычно протестанты, когда говорят о католиках.

– Я думаю иначе. Однако мы уже слишком много спорили об этом, не стоит начинать снова... Как вам понравилась сегодняшняя лекция?

– Очень понравилась, особенно последняя часть. Как хорошо, что он так решительно говорил о необходимости жить согласно идеалам республики, а не только мечтать о ней! Это соответствует учению Христа: «Царство божие внутри нас».

– А мне как раз не понравилась эта часть. Он так много говорил о том, что мы должны думать, чувствовать, какими мы должны быть, но не указал никаких практических путей, не говорил о том, что мы должны делать.

– Наступит время, и у нас будет достаточно дела. Нужно терпение. Великие перевероты не совершаются в один день.

– Чем сложнее задача, тем больше оснований сейчас же приступить к ней. Вы говорите, что нужно подготовить себя к свободе. Но кто был лучше подготовлен к ней, как не ваша мать? Разве не ангельская была у нее душа? А к чему привела вся ее доброта? Она была рабой до последнего дня своей жизни. Сколько придирок, сколько оскорблений она вынесла от вашего брата Джеймса и его жены! Не будь у нее такого мягкого сердца и такого терпения, ей бы легче жилось, с

ней не посмели бы плохо обращаться. Так и с Италией: тем, кто поднимается на защиту своих интересов, вовсе не нужно терпение.

– Джим, дорогая, Италия была бы уже свободна, если бы гнев и страсть могли ее спасти. Не ненависть нужна ей, а любовь.

Кровь прилила к его лицу и вновь отхлынула, когда он произнес последнее слово. Джемма не заметила этого: она смотрела прямо перед собой. Ее брови были сдвинуты, губы крепко сжаты.

– Вам кажется, что я не права, Артур, – сказала она после небольшой паузы. – Нет, правда на моей стороне. И когда-нибудь вы поймете это... Вот и дом Марьетты. Зайдете, может быть?

– Нет, уже поздно. Покойной ночи, дорогая!

Он стоял возле двери, крепко сжимая ее руку в своих.

– «Во имя бога и народа...»¹¹

И Джемма медленно, торжественно досказала девиз:

– «...ныне и во веки веков».

Потом отняла свою руку и вбежала в дом. Когда дверь за ней захлопнулась, он нагнулся и поднял кипарисовую веточку, упавшую с ее груди.

¹¹ Девизом «Молодой Италии» были слова «Бог и народ».

Глава IV

Артур вернулся домой словно на крыльях. Он был счастлив, безоблачно счастлив. На собрании намекали на подготовку к вооруженному восстанию. Джемма была теперь его товарищем, и он любил ее. Они вместе будут работать, а может быть, даже вместе умрут в борьбе за грядущую республику. Вот она, весенняя пора их надежд! Padre увидит это и поверит в их дело.

Впрочем, на другой день Артур проснулся в более спокойном настроении. Он вспомнил, что Джемма собирается ехать в Ливорно, а padre – в Рим.

Январь, февраль, март – три долгих месяца до Пасхи! Чего доброго, Джемма, вернувшись к своим, подпадет под протестантское влияние (на языке Артура слова «протестант» и «филистер»¹² были тождественны по смыслу). Нет, Джемма никогда не будет флиртовать, кокетничать и охотиться за туристами и лысыми судовладельцами, как другие английские девушки в Ливорно: Джемма совсем другая. Но она, вероятно, очень несчастна. Такая молодая, без друзей, и как ей, должно быть, одиноко среди всей этой чопорной публики... О, если бы его мать была жива!

Вечером он зашел в семинарию и застал Монтанелли за беседой с новым ректором. Вид у него был усталый, недо-

¹² Ханжа, обыватель.

вольный. Увидев Артура, padre не только не обрадовался, как обычно, но еще более помрачнел.

– Вот тот студент, о котором я вам говорил, – сухо сказал Монтанелли, представляя Артура новому ректору. – Буду вам очень обязан, если вы разрешите ему пользоваться библиотекой и впредь.

Отец Карди – пожилой, благодушного вида священник – сразу же заговорил с Артуром об университете. Свободный, непринужденный тон его показывал, что он хорошо знаком с жизнью студенчества. Разговор быстро перешел на слишком строгие порядки в университете – весьма злободневный вопрос.

К великой радости Артура, новый ректор резко критиковал университетское начальство за те бессмысленные ограничения, которыми оно раздражало студентов.

– У меня большой опыт по воспитанию юношества, – сказал он. – Ни в чем не мешать молодежи без достаточных к тому оснований – вот мое правило. Если с молодежью хорошо обращаться, уважать ее, то редкий юноша доставит старшим большие огорчения. Но ведь и смирная лошадь станет брыкаться, если постоянно дергать поводья.

Артур широко открыл глаза. Он не ожидал найти в новом ректоре защитника студенческих интересов. Монтанелли не принимал участия в разговоре, видимо не интересуясь этим вопросом. Вид у него был такой усталый, такой подавленный, что отец Карди вдруг сказал:

– Боюсь, я вас утомил, отец каноник. Простите меня за болтливость. Я слишком горячо принимаю к сердцу этот вопрос и забываю, что другим он, может быть, надоел.

– Напротив, меня это очень интересует.

Монтанелли никогда не удавалась показная вежливость, и Артура покоробил его тон.

Когда отец Карди ушел, Монтанелли повернулся к Артуру и посмотрел на него с тем задумчивым, озабоченным выражением, которое весь вечер не сходило с его лица.

– Артур, дорогой мой, – начал он тихо, – мне надо поговорить с тобой.

«Должно быть, он получил какое-нибудь неприятное известие», – подумал Артур, встревоженно взглянув на осунувшееся лицо Монтанелли.

Наступила долгая пауза.

– Как тебе нравится новый ректор? – спросил вдруг Монтанелли.

Вопрос был настолько неожиданный, что Артур не сразу нашелся что ответить.

– Мне? Очень нравится... Впрочем, я и сам еще хорошенько не знаю. Трудно распознать человека с первого раза.

Монтанелли сидел, слегка постукивая пальцами по ручке кресла, как он всегда делал, когда его что-нибудь смущало или беспокоило.

– Что касается моей поездки, – снова заговорил он, – то, если ты имеешь что-нибудь против... если ты хочешь, Ар-

тур, я напишу в Рим, что не поеду.

– Padre! Но Ватикан...

– Ватикан найдет кого-нибудь другого. Я пошлю им свои извинения.

– Но почему? Я не могу понять.

Монтанелли провел рукой по лбу.

– Я беспокоюсь за тебя. Не могу отделаться от мысли, что... Да и потом, в этом нет необходимости...

– А как же с епископством?

– Ах, Артур! Какая мне радость, если я получу епископство и потеряю...

Он запнулся. Артур не знал, что подумать. Ему никогда не приходилось видеть padre в таком состоянии.

– Я ничего не понимаю... – растерянно проговорил он. – Padre, скажите... скажите прямо, что вас волнует?

– Ничего. Меня просто мучит беспредельный страх. При- знайся: тебе грозит опасность?

«Он что-нибудь слышал», – подумал Артур, вспоминая толки о подготовке к восстанию. Но, зная, что разглашать эту тайну нельзя, он ответил вопросом:

– Какая же опасность может мне грозить?

– Не спрашивай меня, а отвечай! – Голос Монтанелли от волнения стал почти резким. – Грозит тебе что-нибудь? Я не хочу знать твои тайны. Скажи мне только это.

– Все мы в руках божьих, padre. Все может случиться. Но у меня нет никаких причин опасаться, что к тому времени,

когда вы вернетесь, со мной может что-нибудь произойти.

– Когда я вернусь... Слушай, caro, я предоставляю решать тебе. Не надо мне твоих объяснений. Скажи только: останьтесь – и я откажусь от поездки. Никто от этого ничего не потеряет, а ты, я уверен, будешь при мне в безопасности.

Такая мнительность была настолько чужда Монтанелли, что Артур с тревогой взглянул на него:

– Padre, вы нездоровы. Вам обязательно нужно ехать в Рим, отдохнуть там как следует, избавиться от бессонницы и головных болей...

– Хорошо, – резко прервал его Монтанелли, словно ему надоел разговор. – Завтра я еду с первой почтовой каретой.

Артур в недоумении взглянул на него.

– Вы, кажется, хотели мне что-то сказать? – спросил он.

– Нет, нет, больше ничего... Ничего особенного.

В глазах Монтанелли застыло выражение тревоги, почти страха.

Спустя несколько дней после отъезда Монтанелли Артур зашел в библиотеку семинарии за книгой и встретился на лестнице с отцом Карди.

– А, мистер Бертон! – воскликнул ректор. – Вас-то мне и нужно. Пожалуйста, зайдите ко мне, я рассчитываю на вашу помощь в одном трудном деле.

Он открыл дверь своего кабинета, и Артур вошел туда с затаенным чувством неприязни. Ему тяжело было видеть,

что этот рабочий кабинет, святилище padre, теперь занят другим человеком.

– Я заядлый книжный червь, – сказал ректор. – Первое, за что я принялся на новом месте, – это за просмотр библиотеки. Библиотека здесь прекрасная, но мне не совсем понятно, по какой системе составлялся каталог.

– Он неполон. Значительная часть ценных книг поступила недавно.

– Не уделите ли вы мне полчаса, чтобы объяснить систему расстановки книг?

Они вошли в библиотеку, и Артур дал все нужные объяснения. Когда он собрался уходить и уже взялся за шляпу, ректор с улыбкой остановил его:

– Нет, нет! Я не отпущу вас так скоро. Сегодня суббота – до понедельника занятия можно отложить. Оставайтесь, поужинаем вместе – все равно сейчас уже поздно. Я совсем один и буду рад вашему обществу.

Обращение ректора было так непринужденно и приветливо, что Артур сразу почувствовал себя с ним совершенно свободно. После нескольких ничего не значащих фраз ректор спросил, давно ли он знает Монтанелли.

– Около семи лет, – ответил Артур. – Он возвратился из Китая, когда мне было двенадцать.

– Ах да! Там он и приобрел репутацию выдающегося проповедника-миссионера. И с тех пор отец каноник руководил вашим образованием?

– Padre начал заниматься со мной год спустя, приблизительно в то время, когда я в первый раз исповедовался у него. А когда я поступил в университет, он продолжал помогать мне по тем предметам, которые не входили в университетский курс. Он очень хорошо ко мне относится! Вы и представить себе не можете, как хорошо!

– Охотно верю. Этим человеком нельзя не восхищаться: прекрасная, благороднейшая душа. Мне приходилось встречать миссионеров, бывших с ним в Китае. Они не находили слов, чтобы в должной мере оценить его энергию, его мужество в трудные минуты, его несокрушимую веру. Вы должны благодарить судьбу, что в ваши юные годы вами руководит такой человек. Я понял из его слов, что вы рано лишились родителей.

– Да, мой отец умер, когда я был еще ребенком, мать – год тому назад.

– Есть у вас братья, сестры?

– Нет, только сводные братья... Но они были уже взрослыми, когда меня еще нянчили.

– Вероятно, у вас было одинокое детство, потому-то вы так и цените доброту Монтанелли. Кстати, есть у вас духовник на время его отсутствия?

– Я думал обратиться к отцам Санта-Катарины, если у них не слишком много исповедующихся.

– Хотите исповедоваться у меня?

Артур удивленно раскрыл глаза.

– Ваше преподобие, конечно, я... я буду очень рад, но только...

– Только ректор духовной семинарии обычно не исповедует мирян? Это верно. Но я знаю, что каноник Монтанелли очень заботится о вас и, если не ошибаюсь, тревожится о вашем благополучии. Я бы тоже тревожился, случись мне расстаться с любимым воспитанником. Ему будет приятно знать, что его коллега печется о вашей душе. Кроме того, сын мой, скажу вам откровенно: вы мне очень нравитесь, и я буду рад помочь вам всем, чем могу.

– Если так, то я, разумеется, буду вам очень признателен.

– В таком случае вы придете ко мне на исповедь в будущем месяце?.. Прекрасно! А кроме того, заходите ко мне, мой мальчик, как только у вас выдастся свободный вечер.

Незадолго до Пасхи стало официально известно, что Монтанелли получил епископство в Бризиелле, небольшом округе, расположенном в Этрусских Апеннинах. Монтанелли спокойно и непринужденно писал об этом Артуру из Рима; очевидно, его мрачное настроение прошло. «Ты должен навещать меня каждые каникулы, – писал он, – а я обещаю приезжать в Пизу. Мы будем видеться с тобой, хоть и не так часто, как мне бы хотелось».

Доктор Уоррен пригласил Артура провести пасхальные праздники в его семье, а не в мрачном, кишасщем крысами старом особняке, где теперь безраздельно царила Джули. В

письмо была вложена нацарапанная неровным детским почерком записочка, в которой Джемма тоже просила его приехать к ним, если это возможно. «Мне нужно переговорить с вами кое о чем», — писала она.

Еще больше волновали и радовали Артура ходившие между студентами слухи. Все ожидали после Пасхи больших событий.

Все это привело Артура в такое восторженное состояние, что все самые невероятные вещи, о которых шептались студенты, казались ему вполне реальными и осуществимыми в течение ближайших двух месяцев.

Он решил поехать домой в четверг на Страстной неделе и провести первые дни каникул там, чтобы радость свидания с Джеммой не нарушила в нем того торжественного религиозного настроения, какого церковь требует от своих чад в эти дни. В среду вечером он написал Джемме, что приедет в пасхальный понедельник, и с миром в душе пошел спать.

Он опустился на колени перед распятием. Завтра утром отец Карди обещал исповедать его, и теперь долгой и усердной молитвой ему надлежало подготовить себя к этой последней перед пасхальным причастием исповеди. Стоя на коленях, со сложенными на груди руками и склоненной головой, он вспоминал день за днем весь прошедший месяц и пересчитывал свои маленькие грехи — нетерпение, раздражительность, беспечность, чуть-чуть пятнавшие его душевную чистоту. Кроме этого, Артур ничего не мог вспомнить:

в счастливые дни много не нагресишь. Он перекрестился, встал с колен и начал раздеваться.

Когда он расстегнул рубашку, из-под нее выпал клочок бумаги. Это была записка Джеммы, которую он носил целый день на груди. Он поднял ее, развернул и поцеловал милые каракули; потом снова сложил листок, вдруг устыдившись своей смешной выходки, и в эту минуту заметил на обороте приписку: «Непременно будьте у нас, и как можно скорее; я хочу, чтобы вы встретились с Боллой. Он здесь, и мы каждый день занимаемся вместе».

Горячая краска залила лицо Артура, когда он прочел эти строки:

«Вечно этот Болла! Что ему снова понадобилось в Ливорно? И с чего это Джемме вздумалось заниматься вместе с ним? Околдовал он ее своими контрабандными делами? Уже в январе на собрании легко было догадаться, что Болла влюблен в нее. Потому-то он и говорил тогда с таким жаром! А теперь он подле нее, ежедневно занимается с ней...»

Порывистым жестом Артур отбросил записку в сторону и снова опустился на колени перед распятием.

И это – душа, готовая принять отпущение грехов, пасхальное причастие, душа, жаждущая мира и с всевышним, и с людьми, и с самим собой. Значит, она способна на низкую ревность и подозрения, способна питать зависть и мелкую злобу, да еще к товарищу! В порыве горького самоуничижения Артур закрыл лицо руками. Всего пять минут на-

зад он мечтал о мученичестве, а теперь сразу пал до таких недостойных, низких мыслей!..

В четверг Артур вошел в церковь семинарии и застал отца Карди одного. Прочтя перед исповедью молитву, он сразу заговорил о своем проступке:

– Отец мой, я грешен – грешен в ревности, в злобе, в недостойных мыслях о человеке, который не причинил мне никакого зла.

Отец Карди отлично понимал, с кем имеет дело. Он мягко сказал:

– Вы не все мне открыли, сын мой.

– Отец! Того, к кому я питаю нехристианские чувства, я должен особенно любить и уважать.

– Вы связаны с ним кровными узами?

– Еще теснее.

– Что же вас связывает, сын мой?

– Узы товарищества.

– Товарищества? В чем?

– В великой и священной работе.

Последовала небольшая пауза.

– И ваша злоба к этому... товарищу, ваша ревность вызвана тем, что он больше вас успел в этой работе?

– Да... отчасти. Я позавидовал его опыту, его авторитету... И затем... я думал... я боялся, что он отнимет у меня сердце девушки... которую я люблю.

– А эта девушка, которую вы любите, дочь святой церкви?

– Нет, она протестантка.

– Еретичка?

Артур горестно стиснул руки.

– Да, еретичка, – повторил он. – Мы вместе воспитывались. Наши матери были подругами. И я... позавидовал ему, так как понял, что он тоже любит ее... и...

– Сын мой, – медленно, серьезно заговорил отец Карди после минутного молчания, – вы не все мне открыли. У вас на душе есть еще какая-то тяжесть.

– Отец, я...

Артур запнулся. Исповедник молча ждал.

– Я позавидовал ему потому, что организация... «Молодая Италия», к которой я принадлежу...

– Да?

– Доверила ему одно дело, которое, как я надеялся, будет поручено мне... Я считал себя особенно пригодным для него.

– Какое же это дело?

– Приемка книг с пароходов... политических книг. Их нужно было взять... и спрятать где-нибудь в городе.

– И эту работу организация поручила вашему сопернику?

– Да, Болле... и я позавидовал ему.

– А он, со своей стороны, ни в чем не подавал вам повода к неприязни? Вы не обвиняете его в небрежном отношении к той миссии, которая была возложена на него?

– Нет, отец, Болла действовал смело и самоотверженно.

Он истинный патриот, и мне бы следовало питать к нему любовь и уважение.

Отец Карди задумался.

– Сын мой, если душу вашу озарил новый свет, если в ней родилась мечта о великой работе на благо ваших собратьев, если вы надеетесь облегчить бремя усталых и угнетенных, то подумайте, как вы относитесь к этому самому драгоценному дару господню. Все блага – дело его рук. И рождение ваше в новую жизнь – от него же. Если вы обрели путь к жертве, нашли дорогу, которая ведет к миру, если вы соединились с любимыми товарищами, чтобы принести освобождение тем, кто втайне льет слезы и скорбит, то постарайтесь, чтобы ваша душа была свободна от зависти и страстей, а ваше сердце было алтарем, где неугасимо горит священный огонь. Помните, что это – святое и великое дело, и сердце, которое проникается им, должно быть очищено от себялюбия. Это призвание, так же как и призвание служителя церкви, не должно зависеть от любви к женщине, от скоропреходящих страстей. Оно *во имя бога и народа, ныне и во веки веков.*

– О-о! – Артур всплеснул руками.

Он чуть не разрыдался, услышав знакомый девиз.

– Отец мой, вы даете нам благословение церкви! Христос с нами!

– Сын мой, – торжественно ответил священник, – Христос изгнал меня из храма, ибо дом его – домом молитвы наре-

чется, а они его сделали вертепом разбойников!

После долгого молчания Артур с дрожью в голосе прошептал:

– И Италия будет храмом его, когда их изгонят...

Он замолчал. В ответ раздался мягкий голос:

– «Земля и все ее богатства – мои», – сказал господь.

Глава V

В тот день Артуру захотелось совершить длинную прогулку. Он поручил свои вещи товарищу-студенту, а сам отправился в Ливорно пешком.

День был сырой и облачный, но не холодный, и равнина, по которой он шел, казалась ему прекрасной, как никогда. Он испытывал наслаждение, ощущая мягкую влажную траву под ногами, всматриваясь в робкие глазки придорожных весенних цветов. У опушки леса птица свивала гнездо в кусте желтой акации и при его появлении с испуганным криком взвилась в воздух, затрепетав темными крылышками.

Артур пытался сосредоточиться на благочестивых размышлениях, каких требовал канун Великой пятницы. Но два образа – Монтанелли и Джеммы – все время мешали его намерениям, так что в конце концов он отказался от попытки настроить себя на благочестивый лад и предоставил своей фантазии свободно нестись к величию и славе грядущего восстания и к той роли, которую он предназначал в нем двум своим кумирам. Padre был в его воображении вождем, апостолом, пророком. Перед его священным гневом исчезнут все темные силы, у его ног юные защитники свободы должны будут сызнова учиться старой вере и старым истинам в их новом, неизведанном доселе значении.

А Джемма? Джемма будет сражаться на баррикадах.

Джемма рождена, чтобы стать героиней. Это верный товарищ. Это та чистая и бесстрашная девушка, о которой мечтало столько поэтов. Джемма станет рядом с ним, плечом к плечу, и они с радостью встретят крылатый вихрь смерти. Они умрут вместе в час победы, ибо победа не может не прийти. Он ничего не скажет ей о своей любви, ни словом не обмолвится о том, что могло бы нарушить ее душевный мир и омрачить ее товарищеские чувства. Она святыня, беспорочная жертва, которой суждено быть сожженной на алтаре за свободу народа. И разве он посмеет войти в святая святых души, не знающей иной любви, кроме любви к богу и Италии?

Бог и Италия... Капли дождя упали на его голову, когда он входил в большой мрачный особняк на Дворцовой улице.

На лестнице его встретил дворецкий Джули, безукоризненно одетый, спокойный и, как всегда, вежливо-недоброжелательный.

– Добрый вечер, Гиббонс. Братья дома?

– Мистер Томас и миссис Бертон дома. Они в гостиной.

Артур с тяжелым чувством вошел в комнаты. Какой тоскливый дом! Поток жизни неся мимо, не задевая его. В нем ничто не менялось: все те же люди, все те же фамильные портреты, все та же дорогая безвкусная обстановка и безобразные блюда на стенах, все то же мещанское чванство богатством, все тот же безжизненный отпечаток, лежащий на всем... Даже цветы в бронзовых жардиньерках казались ис-

кусственными, вырезанными из металла, словно в теплые весенние дни в них никогда не бродил молодой сок.

Джули сидела в гостиной, бывшей центром ее существования, и ожидала гостей к обеду. Вечерний туалет, застывшая улыбка, белокурые локоны и комнатная собачка на коленях – ни дать ни взять картинка из модного журнала!

– Здравствуй, Артур! – сказала она сухо, протянув ему на секунду кончики пальцев и перенеся их тотчас же к более приятной на ощупь шелковистой шерсти собачки. – Ты, надеюсь, здоров и хорошо занимаешься?

Артур произнес первую банальную фразу, которая пришла ему в голову, и погрузился в тягостное молчание. Не внес оживления и приход чванливого Джеймса в обществе пожилого чопорного агента какой-то паровой компании. И когда Гиббонс доложил, что обед подан, Артур встал с легким вздохом облегчения.

– Я не буду сегодня обедать, Джули. Прошу извинить меня, но я пойду к себе.

– Ты слишком строго соблюдаешь пост, друг мой, – сказал Томас. – Я уверен, что это кончится плохо.

– О нет! Спокойной ночи.

В коридоре Артур встретил горничную и попросил разбудить его в шесть часов утра.

– Синьорино пойдет в церковь?

– Да. Спокойной ночи, Тереза.

Он вошел в свою комнату. Она принадлежала раньше его

матери, и альков против окна был превращен в молельню во время ее долгой болезни. Большое распятие на черном пьедестале занимало середину алькова. Перед ним висела лампада. В этой комнате мать умерла. Над постелью висел ее портрет, на столе стояла китайская ваза с букетом фиалок – ее любимых цветов. Минул ровно год со дня смерти синьоры Глэдис, но слуги-итальянцы не забыли ее.

Артур вынул из чемодана тщательно завернутый портрет в рамке. Это был сделанный карандашом портрет Монтанелли, за несколько дней до того присланный из Рима. Он стал развертывать свое сокровище, но в эту минуту в комнату с подносом в руках вошел мальчик – слуга Джули. Старая кухарка-итальянка, служившая Глэдис до появления в доме новой строгой хозяйки, устала этот поднос всякими вкусными вещами, которые, как она полагала, дорогой синьорино мог бы съесть, не нарушая церковных обетов. Артур от всего отказался, за исключением кусочка хлеба; и слуга, племянник Гиббонса, недавно приехавший из Англии, многозначительно ухмыльнулся, уходя с подносом из комнаты. Он уже успел примкнуть к протестантскому лагерю на кухне.

Артур вошел в альков и опустился на колени перед распятием, напрягая все силы, чтобы настроить себя на молитву и набожные размышления. Но ему долго не удавалось это. Он и в самом деле, как сказал Томас, слишком усердствовал в соблюдении поста. Лишения, которым он себя подвергал, действовали как крепкое вино. По его спине пробежала лег-

кая дрожь, распятие поплыло перед глазами, словно в тумане. Он произнес длинную молитву и только после этого мог сосредоточиться на тайне искупления. Наконец крайняя физическая усталость одержала верх над нервным возбуждением, и он заснул со спокойной душой, свободной от тревожных и тяжелых дум.

Артур крепко спал, когда в дверь его комнаты кто-то постучал нетерпеливо и громко.

«А, Тереза», – подумал он, лениво поворачиваясь на другой бок.

Постучали второй раз. Он вздрогнул и проснулся.

– Синьорино! Синьорино! – крикнул мужской голос. – Вставайте, ради бога!

Артур вскочил с кровати:

– Что случилось? Кто там?

– Это я, Джиан Баттиста. Заклинаю вас именем пресвятой девы! Вставайте скорее!

Артур торопливо оделся и отпер дверь. В недоумении смотрел он на бледное, искаженное ужасом лицо кучера, но, услышав звук шагов и лязг металла в коридоре, понял все.

– За мной? – спросил он спокойно.

– За вами! Торопитесь, синьорино! Что нужно спрятать? Я могу...

– Мне нечего прятать. Братья знают?

В коридоре, из-за угла, показался первый мундир.

– Синьора разбудили. Весь дом проснулся. Какое горе, ка-

кое ужасное горе! И еще в Страстную пятницу! Угодники божии, сжальтесь над нами!

Джиан Баттиста разрыдался. Артур сделал несколько шагов навстречу жандармам, которые, громяхая саблями, входили в комнату в сопровождении дрожащих слуг, одетых во что попало. Артура окружили. Странную процессию замыкали хозяин и хозяйка дома. Он – в туфлях и халате, она – в длинном пеньюаре и с папильотками.

«Как будто наступает второй потоп и звери, спасаясь, бегут в ковчег! Вот, например, какая забавная пара!» – мелькнуло у Артура при виде этих нелепых фигур, и он едва удержался от смеха, чувствуя всю неуместность его в такую серьезную минуту.

– Ave, Maria, Regina Coeli!¹³ – прошептал он и отвернулся, чтобы не видеть папильоток Джули, вводивших его в искушение.

– Будьте добры объяснить мне, – сказал мистер Бертон, подходя к жандармскому офицеру, – что значит это насильственное вторжение в частный дом? Я должен предупредить вас, что мне придется обратиться к английскому послу, если вы не дадите удовлетворительных объяснений.

– Думаю, что объяснение удовлетворит и вас и английского посла, – сухо сказал офицер.

Он развернул приказ об аресте студента философского

¹³ «Радуйся, Мария, царица небесная...» (лат.) – начало католической молитвы.

факультета Артура Бертон и вручил его Джеймсу, холодно прибавив:

– Если вам понадобятся дальнейшие объяснения, советую лично обратиться к начальнику полиции.

Джули вырвала бумагу из рук мужа, быстро пробежала ее глазами и накинулась на Артура с той грубостью, на какую способна только пришедшая в бешенство благовоспитанная леди.

– Ты опозорил нашу семью! – кричала она. – Теперь вся городская чернь будет глазеть на нас. Вот куда тебя привело твое благочестие – в тюрьму! Впрочем, чего же было и ждать от сына католички...

– Сударыня, с арестованными на иностранном языке говорить не полагается, – прервал ее офицер.

Но его слова потонули в потоке обвинений, которыми сыпала по-английски Джули:

– Этого надо было ожидать! Пост, молитвы, душеспасительные размышления – и вот что за этим скрывалось! Я так и думала.

Доктор Уоррен сравнил как-то Джули с салатом, который повар слишком сдобрил уксусом. От ее тонкого, пронзительного голоса у Артура стало кисло во рту, и он сразу вспомнил это сравнение.

– Зачем так говорить! – сказал он. – Вам нечего опасаться неприятностей. Все знают, что вы тут совершенно ни при чем... Я полагаю, – прибавил он, обращаясь к жандармам, –

вы хотите осмотреть мои вещи? Мне нечего скрывать...

Пока жандармы обыскивали комнату, выдвигали ящики, читали его письма, просматривали университетские записи, Артур сидел на кровати. Он был несколько взволнован, но тревоги не чувствовал. Обыск его не беспокоил: он всегда сжигал письма, которые могли кого-нибудь скомпрометировать, и теперь, кроме нескольких рукописных стихотворений, полуреволюционных-полумистических, да двух-трех номеров «Молодой Италии», жандармы не нашли ничего, что могло бы вознаградить их за труды.

После долгого сопротивления Джули уступила уговорам своего шурина и пошла спать, проплыв мимо Артура с презрительно-надменным видом. Джеймс покорно последовал за ней.

Когда они вышли, Томас, который все это время шагал взад и вперед по комнате, стараясь казаться равнодушным, подошел к офицеру и попросил у него разрешения переговорить с арестованным. Тот кивнул вместо ответа, и Томас, подойдя к Артуру, пробормотал хриплым голосом:

– Ужасно неприятная история! Я очень огорчен.

Артур взглянул на него глазами, ясными, как солнечное утро.

– Вы всегда были добры ко мне, – сказал он. – Вам нечего беспокоиться. Мне ничто не угрожает.

– Послушай, Артур! – Томас дернул себя за ус и решил говорить напрямик. – Эта история имеет какое-нибудь отно-

шение к денежным делам?.. Если так, то я...

– К денежным делам? Нет, конечно. При чем тут...

– Значит, политика? Я так и думал. Ну что же делать... Не падай духом и не обращай внимания на Джули, ты ведь знаешь, какой у нее язык. Так вот, если нужна будет моя помощь – деньги или еще что-нибудь, – дай мне знать. Хорошо?

Артур молча протянул ему руку, и Томас вышел, стараясь придать своему тупому лицу как можно более равнодушное выражение.

Тем временем жандармы закончили обыск, и офицер предложил Артуру надеть пальто. Артур хотел уже выйти из комнаты и вдруг остановился на пороге: ему было тяжело прощаться с моленной матери в присутствии жандармов.

– Вы не могли бы выйти на минуту? – спросил он. – Убедить я все равно не могу, а прятать мне нечего.

– К сожалению, арестованных запрещено оставлять одних.

– Хорошо, пусть так.

Он вошел в альков, преклонил колена и, поцеловав распятие, прошептал:

– Господи, дай мне силы быть верным до конца!

Офицер стоял у стола и рассматривал портрет Монтанелли.

– Это ваш родственник? – спросил он.

– Нет, это мой духовный отец, новый епископ Бризигеллы. На лестнице его ожидали слуги-итальянцы, встревожен-

ные и опечаленные. Артура, как и его мать, в доме любили, и теперь слуги теснились вокруг него, горестно целуя ему руки и платье. Джиан Баттиста стоял тут же, роняя слезы на седые усы. Никто из Бертонов не пришел проститься. Их равнодушные еще более подчеркивало преданность и любовь слуг, и Артур едва не заплакал, пожимая протянутые ему руки.

– Прощай, Джиан Баттиста, поцелуй своих малышей! Прощайте, Тереза! Молитесь за меня, и да хранит вас бог! Прощайте, прощайте...

Он быстро сбежал с лестницы.

Прошла минута, и карета отъехала, провожаемая маленькой группой безмолвных мужчин и рыдающих женщин.

Глава VI

Артур был заключен в огромную средневековую крепость, стоявшую у самой гавани. Тюремная жизнь оказалась довольно сносной. Камера у Артура была сырая, темная, но он вырос в старом особняке на Виа-Борра, и, следовательно, духота, смрад и крысы были ему не в диковинку. Кормили в тюрьме скудно и плохо, но Джеймс вскоре добился разрешения посылать брату все необходимое из дома. Артура держали в одиночной камере, и, хотя надзор был не так строг, как он ожидал, все-таки объяснение причины своего ареста ему не удалось получить. Тем не менее его не покидало то душевное спокойствие, с каким он вошел в крепость. Ему не разрешали читать, и все время он проводил в молитве и благочестивых размышлениях, терпеливо ожидая дальнейших событий.

Однажды утром часовой отпер дверь камеры и сказал:
– Пожалуйста!

После двух-трех вопросов, на которые был только один ответ: «Разговаривать воспрещается», Артур покорился и пошел за солдатом по лабиринту пропитанных сыростью дворов, коридоров и лестниц. Наконец его ввели в большую светлую комнату, где за длинным столом, заваленным бумагами, лениво переговариваясь, сидели трое военных. Когда он вошел, они сейчас же приняли важный, деловой вид, и

старший из них, уже пожилой щеголеватый полковник с седыми бакенбардами, указал ему на стул по другую сторону стола и приступил к предварительному допросу.

Артур ожидал угроз, оскорблений, брани и приготовился отвечать с выдержкой и достоинством. Но ему пришлось приятно разочароваться. Полковник держался чопорно, показанному сухо, но с безукоризненной вежливостью. Последовали обычные вопросы: имя, возраст, национальность, общественное положение; ответы записывались один за другим.

Артур уже начал чувствовать скуку и нетерпение, как вдруг полковник сказал:

– Ну, а теперь, мистер Бертон, что вам известно о «Молодой Италии»?

– Мне известно, что это политическое общество, которое издает газету в Марселе и распространяет ее в Италии с целью подготовить народ к восстанию и изгнать австрийскую армию из пределов страны.

– Вы читали эту газету?

– Да. Я интересовался этим вопросом.

– А когда вы читали ее, приходило ли вам в голову, что вы совершаете противозаконный акт?

– Конечно.

– Где вы достали экземпляры, найденные в вашей комнате?

– Этого я не могу вам сказать.

– Мистер Бертон, здесь нельзя говорить «не могу». Вы обязаны отвечать на все мои вопросы.

– В таком случае – не хочу, поскольку «не могу» вам не нравится.

– Если вы будете говорить со мной таким тоном, вам придется пожалеть об этом, – заметил полковник.

Не дождавшись ответа, он продолжал:

– Могу еще прибавить, что, по имеющимся у нас сведениям, ваша связь с этим обществом была гораздо ближе: она заключалась не только в чтении запрещенной литературы. Вам же будет лучше, если вы откровенно сознаетесь во всем. Так или иначе, мы узнаем правду, и вы убедитесь, что выгораживать себя и закирывать бесполезно.

– У меня нет никакого желания выгораживать себя. Что вы хотите знать?

– Прежде всего скажите, каким образом вы, иностранец, могли впутаться в подобного рода дела?

– Я много думал об этих вопросах, много читал и пришел к определенным выводам.

– Кто убедил вас присоединиться к этому обществу?

– Никто. Это было моим личным желанием.

– Вы меня дурачите! – резко сказал полковник. Терпение, очевидно, начинало изменять ему. – К политическим обществам не присоединяются без влияния со стороны. Кому вы говорили о том, что хотите стать членом этой организации? Молчание.

– Будьте любезны ответить.

– На такие вопросы я не стану отвечать.

В голосе Артура слышались угрюмые нотки. Какое-то странное раздражение овладело им. Он уже знал об арестах, произведенных в Ливорно и Пизе, хотя и не представлял себе истинных масштабов разгрома. Но и того, что дошло до него, было достаточно, чтобы вызвать в нем лихорадочную тревогу за участь Джеммы и остальных друзей.

Показная вежливость офицера, этот словесный турнир, эта скучная игра в коварные вопросы и уклончивые ответы беспокоили и злили его, а тяжелые шаги часового за дверью действовали ему на нервы.

– Между прочим, когда вы виделись в последний раз с Джованни Боллой? – вдруг спросил полковник. – Перед вашим отъездом из Пизы?

– Это имя мне незнакомо.

– Как! Джованни Болла? Вы его прекрасно знаете. Молодой человек высокого роста, бритый. Ведь он ваш товарищ по университету.

– Я знаком далеко не со всеми студентами.

– Боллу вы должны знать. Посмотрите: вот его почерк. Вы видите, он вас прекрасно знает.

И полковник небрежно передал ему бумагу, в заголовке которой стояло: «Протокол», а внизу была подпись: «Джованни Болла». Наскоро пробегая ее, Артур наткнулся на свое имя. Он с изумлением поднял глаза.

– Вы хотите, чтобы я прочел это? – спросил он.

– Да, конечно. Это касается вас.

Артур начал читать, а офицеры молча наблюдали за выражением его лица. Документ состоял из показаний, данных в ответ на целый ряд вопросов. Очевидно, Болла тоже арестован! Первые показания были самые обычные. Затем следовал краткий отчет о связях Боллы с обществом, о распространении в Ливорно запрещенной литературы и о студенческих собраниях. А дальше Артур прочел: «В числе примкнувших к нам был один молодой англичанин, по имени Артур Бертон, из семьи богатых ливорнских судовладельцев».

Кровь хлынула в лицо Артура. Болла выдал его! Болла, который принял на себя высокую обязанность руководителя, Болла, который завербовал Джемму... и был влюблен в нее! Он положил бумагу на стол и опустил глаза.

– Надеюсь, этот маленький документ освежил вашу память? – вежливо осведомился полковник.

Артур покачал головой.

– Я не знаю этого имени, – сухо повторил он. – Тут, вероятно, какая-то ошибка.

– Ошибка? Вздор! Знаете, мистер Бертон, рыцарство и донкихотство – прекрасные вещи, но не надо доводить их до крайности. Это ошибка, в которую постоянно впадает молодежь. Подумайте: стоит ли компрометировать себя и портить свою будущность из-за таких пустяков? Вы щадите челове-

ка, который вас же выдал. Как видите, он не отличался особенной щепетильностью, когда давал показания о вас.

Что-то вроде насмешки послышалось в голосе полковника. Артур вздрогнул; внезапная догадка блеснула у него в голове.

– Это ложь! Вы совершили подлог. Я вижу это по вашему лицу! – крикнул он. – Вы хотите уличить кого-нибудь из арестованных или строите ловушку мне! Обманщик, лгун, подлец...

– Молчать! – крикнул полковник, в бешенстве вскакивая со стула.

Его коллеги уже были на ногах.

– Капитан Томмаси, – сказал полковник, обращаясь к одному из них, – вызовите стражу и прикажите посадить этого молодого человека в карцер на несколько дней. Я вижу, он нуждается в хорошем уроке, его нужно образумить.

Карцер был темной, мокрой, грязной дырой в подземелье. Вместо того чтобы «образумить» Артура, он довел его до последней степени раздражения. Богатый дом, где он вырос, воспитал в нем крайнюю требовательность ко всему, что касалось чистоплотности, и оскорбленный полковник вполне мог бы удовлетвориться первым впечатлением, которое произвели на Артура липкие, покрытые плесенью стены, заваленный кучами мусора и всяких нечистот пол и ужасное зловоние, распространявшееся от сточных труб и прогнившего дерева. Артура втолкнули в эту конуру и захлопнули за ним

дверь; он осторожно шагнул вперед и, вытянув руки, содрогаясь от отвращения, когда пальцы его касались скользких стен, на ощупь отыскал в потемках место на полу, где было меньше грязи.

Он провел целый день в непроглядном мраке и в полной тишине; ночь не принесла никаких перемен. Лишенный внешних впечатлений, он постепенно терял представление о времени. И когда на следующее утро в замке щелкнул ключ и перепуганные крысы с писком прошмыгнули мимо его ног, он вскочил в ужасе. Сердце его отчаянно билось, в ушах стоял шум, словно он был лишен света и звуков долгие месяцы, а не одни лишь сутки.

Дверь отворилась, пропуская в камеру слабый свет фонаря, показавшийся Артуру ослепительным. Старший надзиратель принес кусок хлеба и кружку воды. Артур шагнул вперед. Он был уверен, что его выпустят отсюда. Но, прежде чем он успел что-нибудь сказать, надзиратель сунул ему хлеб и воду, повернулся и молча вышел, захлопнув за собой дверь.

Артур топнул ногой. Впервые в жизни он почувствовал ярость. С каждым часом он все больше и больше утрачивал представление о месте и времени. Темнота казалась ему безграничной, без начала и конца. Жизнь как будто остановилась.

На третий день вечером, когда в карцере снова появился надзиратель, теперь уже в сопровождении конвоира, Артур растерянно посмотрел на них, защитив глаза от непривычно-

го света и тщетно стараясь подсчитать, сколько часов, дней или недель он пробыл в этой могиле.

– Пожалуйста, – холодным, деловым тоном произнес надзиратель.

Артур машинально побрел за ним неуверенными шагами, спотыкаясь и пошатываясь, как пьяный. Он отстранил руку надзирателя, хотевшего помочь ему подняться по крутой, узкой лестнице, которая вела во двор, но, ступив на верхнюю ступеньку, вдруг почувствовал дурноту, пошатнулся и упал бы навзничь, если бы надзиратель не поддержал его за плечи.

– Ничего, оправится, – произнес чей-то веселый голос. – Это с каждым бывает, кто выходит оттуда на воздух.

Артур с мучительным трудом перевел дыхание, когда ему брызнули водой в лицо. Темнота, казалось, отваливалась от него, с шумом распадаясь на куски.

Он сразу очнулся и, оттолкнув руку надзирателя, почти твердым шагом прошел коридор и лестницу. Они остановились перед дверью; когда дверь отворилась, Артур вошел в освещенную комнату, где его допрашивали в первый раз. Не сразу узнав ее, он недоумевающим взглядом окинул стол, заваленный бумагами, и офицеров, сидевших на прежних местах.

– А, мистер Бертон, – сказал полковник. – Надеюсь, теперь мы будем сговорчивее. Ну, как вам понравился карцер? Не правда ли, он не так роскошен, как гостиная вашего брата?

Артур поднял глаза на улыбающееся лицо полковника. Им овладело безумное желание броситься на этого щеголя с седыми бакенбардами и вгрызться ему в горло. Очевидно, это отразилось на его лице, потому что полковник сейчас же прибавил уже совершенно другим тоном:

– Сядьте, мистер Бертон, и выпейте воды – я вижу, вы взволнованы.

Артур оттолкнул предложенный ему стакан и, облокотившись о стол, положил руку на лоб, силясь собраться с мыслями. Полковник внимательно наблюдал за ним, подмечая опытным глазом и дрожь в руках, и трясущиеся губы, и взмокшие волосы, и тусклый взгляд – все, что говорило о физической слабости и нервном переутомлении.

– Мистер Бертон, – снова начал полковник после нескольких минут молчания, – мы вернемся к тому, на чем остановились в прошлый раз. Тогда у нас с вами произошла маленькая неприятность, но теперь – я сразу же должен сказать вам это – у меня единственное желание: быть снисходительным. Если вы будете вести себя должным образом, с вами обойдутся без излишней строгости.

– Чего вы хотите от меня?

Артур произнес это совсем несвойственным ему резким, мрачным тоном.

– Мне нужно только, чтобы вы сказали откровенно и честно, что вам известно об этом обществе и его членах. Прежде всего, как давно вы знакомы с Боллой?

– Я его никогда не встречал. Мне о нем ровно ничего не известно.

– Неужели? Хорошо, мы скоро вернемся к этому. Может быть, вы знаете молодого человека по имени Карло Бини?

– Никогда не слыхал о таком.

– Это уж совсем странно. Ну, а что вы можете сказать о Франческо Нери?

– Впервые слышу это имя.

– Но ведь вот письмо, адресованное ему и написанное вашей рукой! Взгляните.

Артур бросил небрежный взгляд на письмо и отложил его в сторону.

– Оно вам знакомо?

– Нет.

– Вы отрицаете, что это ваш почерк?

– Я ничего не отрицаю. Я не помню такого письма.

– Может, вы вспомните вот это?

Ему передали второе письмо. Он узнал в нем то, которое писал осенью одному товарищу-студенту.

– Нет.

– И не знаете лица, которому оно адресовано?

– Не знаю.

– У вас удивительно короткая память.

– Это мой давнишний недостаток.

– Вот как! А я слышал от одного из университетских профессоров, что вас отнюдь не считают неспособным. Скорее

наоборот.

– Вы судите о способностях, вероятно, с полицейской точки зрения. Профессора университета употребляют это слово в несколько ином смысле.

Нотка нарастающего раздражения явственно слышалась в ответах Артура. Голод, спертый воздух и бессонные ночи подорвали его силы. У него ныла каждая косточка, а голос полковника действовал ему на нервы, точно царапанье грифеля по доске.

– Мистер Бертон, – строго сказал полковник, откинувшись на спинку стула, – вы опять забываетесь. Я предостерегаю вас еще раз, что подобный тон не доведет до добра. Вы уже познакомились с карцером, и вряд ли вам захочется попасть в него вторично. Скажу вам прямо: если мягкость на вас не подействует, я применю к вам строгие меры. Помните, у меня есть доказательства – веские доказательства, – что некоторые из названных мною молодых людей занимались тайной доставкой запрещенной литературы через здешний порт и что вы были в сношениях с ними. Так вот, намерены ли вы сказать добровольно, что вы знаете обо всем этом?

Артур еще ниже опустил голову. Слепая ярость шевелилась в нем, точно живое существо. И мысль, что он может потерять самообладание, испугала его больше, чем угрозы. Он в первый раз ясно осознал, что джентльменская сдержанность и христианское смирение могут изменить ему, и испугался самого себя.

– Я жду ответа, – сказал полковник.

– Мне нечего вам отвечать.

– Так вы решительно отказываетесь говорить?

– Я ничего не скажу.

– В таком случае мне придется распорядиться, чтобы вас вернули в карцер и держали там до тех пор, пока ваше решение не переменится. Если вы не образумитесь и в дальнейшем, я прикажу надеть на вас кандалы.

Артур поднял голову. По телу его пробежала дрожь.

– Вы можете делать все, что вам угодно, – сказал он тихо. – Но допустит ли английский посол, чтобы так обращались с британским подданным без всяких доказательств его виновности?

Наконец Артура увели в прежнюю камеру, где он повалялся на койку и проспал до следующего утра. Кандалов на него не надели и в страшный карцер не перевели, но вражда между ним и полковником росла с каждым допросом.

Напрасно Артур молил бога о том, чтобы он даровал ему силы побороть в себе злобу, напрасно размышлял он целые ночи о терпении и кротости Христа. Как только его приводили в длинную, почти пустую комнату, где стоял все тот же стол, покрытый зеленым сукном, как только он видел перед собой нафабренные усы полковника, ненависть снова овладевала им, толкала его на злые, презрительные ответы. Еще не прошло и месяца, как он сидел в тюрьме, а их обоюдное раздражение достигло такой степени, что они не могли взгля-

нуть друг на друга без гнева.

Постоянное напряжение этой борьбы начинало заметно сказываться на нервах Артура. Зная, как зорко за ним наблюдают, и вспоминая страшные рассказы о том, что арестованных опаивают незаметно для них белладонной, чтобы подслушать их бред, он почти перестал есть и спать. Когда ночью мимо него пробежала крыса, он вскакивал в холодном поту, дрожа от ужаса при мысли, что кто-то прячется в камере и подслушивает, не говорит ли он во сне.

Жандармы явно старались поймать его на слове и уличить Боллу. И страх попасть нечаянно в ловушку был настолько велик, что Артур действительно мог совершить серьезный промах. Денно и ночью имя Боллы звучало у него в ушах, не сходило с языка и во время молитвы, он шептал его вместо имени «Мария», перебирая четки. Но хуже всего было то, что религиозность с каждым днем как бы уходила от него вместе со всем внешним миром. С лихорадочным упорством Артур цеплялся за эту последнюю поддержку, проводя долгие часы в молитвах и покаянных размышлениях. Но мысли его все чаще и чаще возвращались к Болле, и слова молитв он повторял машинально.

Огромным утешением для Артура был старший тюремный надзиратель. Этот толстенький лысый старичок сначала изо всех сил старался напустить на себя строгость. Но добродушие, сквозившее в каждой морщинке его пухлого лица, одержало верх над чувством долга, и скоро он стал переда-

вать записки из одной камеры в другую.

Как-то днем в середине мая надзиратель вошел к нему с такой мрачной, унылой физиономией, что Артур с удивлением посмотрел на него.

– В чем дело, Энрико? – воскликнул он. – Что с вами случилось?

– Ничего! – грубо ответил Энрико и, подойдя к койке, рванул с нее плед Артура.

– Зачем вы берете мой плед? Разве меня переводят в другую камеру?

– Нет, вас выпускают.

– Выпускают? Сегодня? Совсем выпускают? Энрико!

Артур в волнении схватил старика за руку, но тот сердито вырвал ее.

– Энрико, что с вами? Почему вы не отвечаете? Скажите, нас всех выпускают?

В ответ послышалось только презрительное фырканье.

– Полно! – Артур с улыбкой снова взял надзирателя за руку. – Не злитесь на меня, я все равно не обижусь. Скажите лучше, как с остальными?

– С какими это остальными? – буркнул Энрико, вдруг бросая рубашку Артура, которую он складывал. – Уж не с Боллой ли?

– С Боллой, разумеется, и со всеми другими. Энрико, да что с вами?

– Вряд ли беднягу скоро выпустят, если его предал свой

же товарищ! – И негодующий Энрико снова взялся за рубашку.

– Предал товарищ? Какой ужас! – Артур широко открыл глаза.

Энрико быстро повернулся к нему:

– А разве не вы это сделали?

– Я? Вы в своем уме, Энрико? Я?

– По крайней мере ему так сказали на допросе. Мне очень приятно знать, что предатель не вы. Вас я всегда считал порядочным молодым человеком. Идемте!

Энрико вышел в коридор. Артур последовал за ним. И вдруг его словно озарило:

– Болле сказали, что его выдал я! Ну конечно! А мне, Энрико, говорили, что меня выдал Болла. Но Болла ведь не так глуп, чтобы поверить этому вздору.

– Так это действительно неправда? – Энрико остановился около лестницы и окинул Артура испытующим взглядом. Артур только пожал плечами:

– Конечно, ложь!

– Вот как! Рад это слышать, сынок, обязательно передам Болле ваши слова. Но, знаете, ему сказали, что вы донесли на него... ну, словом, из ревности. Будто вы оба полюбили одну и ту же девушку.

– Это ложь! – произнес Артур быстрым, прерывистым шепотом. Им овладел внезапный, парализующий все силы страх. «Полюбили одну и ту же девушку!.. Ревность!» Как

они узнали это? Как они узнали?

— Подождите минутку, сынок! — Энрико остановился в коридоре перед комнатой следователя и прошептал: — Я верю вам. Но скажите мне вот еще что. Я знаю, вы католик. Не говорили ли вы чего-нибудь на исповеди?

— Это ложь! — чуть не задохнувшись, крикнул Артур в третий раз.

Энрико пожал плечами и пошел вперед.

— Конечно, вам лучше знать. Но не вы первый попадаетесь на эту удочку. Сейчас в Пизе подняли большой шум из-за какого-то священника, которого изобличили ваши друзья. Они опубликовали листовку с предупреждением, что это провокатор.

Он отворил дверь в комнату следователя и, видя, что Артур замер на месте, устремив прямо перед собой неподвижный взгляд, легонько подтолкнул его вперед.

— Добрый день, мистер Бертон, — сказал полковник, показывая в любезной улыбке все зубы. — Мне приятно поздравить вас. Из Флоренции прибыл приказ о вашем освобождении. Будьте добры подписать эту бумагу.

Артур подошел к нему.

— Я хочу знать, — сказал он глухим голосом, — кто меня выдал.

Полковник с улыбкой поднял брови:

— Не догадываетесь? Подумайте немного.

Артур покачал головой. Полковник возвел руки, выражая

этим свое изумление:

– Неужели не догадываетесь? Да вы же, вы сами, мистер Бертон! Кто же еще мог знать о ваших любовных делах?

Артур молча отвернулся. На стене висело большое деревянное распятие, и глаза юноши медленно поднялись к лицу Христа, но в них была не мольба, а только удивление перед этим покладистым и нерадивым богом, который не поразил громом священника, нарушившего тайну исповеди.

– Будьте добры расписаться в получении ваших документов, – любезно сказал полковник, – и я не буду задерживать вас. Вам, разумеется, хочется скорее добраться до дому, а я тоже очень занят: все вожусь с делом этого сумасброда Боллы, который подверг вашу христианскую кротость такому жестокому испытанию. Его, вероятно, ждет суровый приговор... Всего хорошего!

Артур расписался, взял свои бумаги и вышел, не проронив ни слова. До высоких тюремных ворот он шел следом за Энрико, а потом, даже не попрощавшись с ним, один спустился к каналу, где его ждал перевозчик. В ту минуту, когда он поднимался по каменным ступенькам на улицу, навстречу ему бросилась девушка в легком платье и соломенной шляпе:

– Артур! Я так счастлива, так счастлива!

Артур, весь дрожа, спрятал руки за спину.

– Джим! – проговорил он наконец не своим голосом. – Джим!

– Я ждала здесь целых полчаса. Сказали, что вас выпустят в четыре. Артур, отчего вы так смотрите на меня? Что-нибудь случилось? Что с вами? Подождите!

Он отвернулся и медленно пошел по улице, как бы забыв о Джемме. Испуганная этим, она догнала его и схватила за локоть:

– Артур!

Он остановился и растерянно взглянул на нее. Джемма взяла его под руку, и они пошли рядом, не говоря ни слова.

– Слушайте, дорогой, – начала она мягко, – стоит ли так расстраиваться из-за этого глупого недоразумения? Я знаю, вам пришлось нелегко, но все понимают...

– Из-за какого недоразумения? – спросил он тем же глухим голосом.

– Я говорю о письме Боллы.

При этом имени лицо Артура болезненно исказилось.

– Вы о нем ничего не знали? – продолжала она. – Но ведь вам, наверно, сказали об этом. Болла, должно быть, совсем сумасшедший, если он мог вообразить такую нелепость.

– Какую нелепость?

– Так вы ничего не знаете? Он написал, что вы рассказали о пароходах и подвели его под арест. Какая нелепость! Это ясно каждому. Поверили только те, кто совершенно вас не знает. Потому-то я и пришла сюда: мне хотелось сказать вам, что в нашей группе не верят ни одному слову в этом письме.

– Джемма! Но это... это правда!

Она медленно отступила от него, широко раскрыв потемневшие от ужаса глаза. Лицо ее стало таким же белым, как шарф на шее. Ледяная волна молчания встала перед ними, словно стеной отгородив их от шума и движения улицы.

– Да, – прошептал он наконец. – Пароходы... я говорил о них и назвал имя Боллы. Боже мой! Боже мой! Что мне делать?

И вдруг он пришел в себя и осознал, кто стоит перед ним, в смертельном ужасе глядя на него. Она, наверно, думает...

– Джемма, вы меня не поняли! – крикнул Артур, шагнув к ней.

Она отшатнулась от него, пронзительно крикнув:

– Не прикасайтесь ко мне!

Артур с неожиданной силой схватил ее за руку:

– Выслушайте, ради бога!.. Я не виноват... я...

– Оставьте меня! Оставьте!

Она вырвала свои пальцы из его рук и ударила его по щеке. Глаза Артура застлал туман. Одно мгновение он ничего не видел перед собой, кроме бледного, полного отчаяния лица Джеммы и ее руки, которую она вытирала о платье. Затем туман рассеялся... Он осмотрелся и увидел, что стоит один.

Глава VII

Давно уже стемнело, когда Артур позвонил у двери особняка на Виа-Борра. Он помнил, что скитался по городу, но где, почему, сколько времени это продолжалось? Лакей Джули, зевая, открыл ему дверь и многозначительно ухмыльнулся при виде его осунувшегося, словно окаменевшего лица. Лакею показалось очень забавным, что молодой хозяин возвращается из тюрьмы точно пьяный, беспутный бродяга. Артур поднялся по лестнице. В первом этаже он столкнулся с Гиббонсом, который шел ему навстречу с видом надменным и неодобрительным. Артур пробормотал: «Добрый вечер», – и хотел проскользнуть мимо. Но трудно было миновать Гиббонса, когда Гиббонс этого не хотел.

– Господ нет дома, сэр, – сказал он, окидывая критическим оком грязное платье и растрепанные волосы Артура. – Они ушли в гости и раньше двенадцати не возвратятся.

Артур посмотрел на часы. Было только девять. Да! Времени у него достаточно, больше чем достаточно...

– Миссис Бертон приказала спросить, не хотите ли вы ужинать, сэр. Она надеется увидеть вас, прежде чем вы ляжете спать, так как ей нужно сегодня же переговорить с вами.

– Благодарю вас, ужинать я не хочу. Передайте миссис Бертон, что я не буду ложиться.

Он вошел в свою комнату. В ней ничего не изменилось со

дня его ареста. Портрет Монтанелли по-прежнему лежал на столе, распятие стояло в алькове. Артур на мгновение остановился на пороге, прислушиваясь. В доме тихо, никто не сможет помешать ему. Он осторожно вошел в комнату и запер за собой дверь.

Итак, всему конец. Не о чем больше раздумывать, не из-за чего волноваться. Отделаться от ненужных, назойливых мыслей – и все. Но как это глупо, бессмысленно!

Ему не надо было решать – лишить себя жизни или нет; он даже не особенно думал об этом: такой конец казался бесспорным и неизбежным. Он еще не знал, какую смерть избрать себе. Все сводилось к тому, чтобы сделать это быстро – и забыться. Под руками у него не было никакого оружия, даже перочинного ножа не оказалось. Но это не имело значения: достаточно полотенца или простыни, разорванной на куски.

Он увидел над окном большой гвоздь. Вот и хорошо. Но выдержит ли гвоздь тяжесть его тела? Он подставил к окну стул. Нет! Гвоздь ненадежный. Он слез со стула, достал из ящика молоток, ударил им несколько раз по гвоздю и хотел уже сдернуть с постели простыню, как вдруг вспомнил, что не прочел молитвы. Ведь нужно помолиться перед смертью, так поступает каждый христианин. На отход души есть даже специальные молитвы.

Он вошел в альков и опустился на колени перед распятием.

– Отче всемогущий и милостивый... – громко произнес он и остановился, не прибавив больше ни слова. Мир стал таким тусклым, что он не знал, за что молиться, от чего оберегать себя молитвами. Да разве Христу ведомы такие страдания? Ведь его только предали, как Боллу, а ловушек ему никто не расставлял, и сам он не был предателем!

Артур поднялся, перекрестившись по старой привычке. Потом подошел к столу и увидел письмо Монтанелли, написанное карандашом:

Дорогой мой мальчик! Я в отчаянии, что не могу повидаться с тобой в день твоего освобождения. Меня позвали к умирающему. Вернусь поздно ночью. Приходи ко мне завтра пораньше. Очень спешу. Л.М.

Артур со вздохом положил письмо. Padre будет тяжело перенести это.

А как смеялись и болтали люди на улицах!.. Ничто не изменилось с того дня, когда он был еще полон жизни. Ни одна из повседневных мелочей не стала иной от того, что человеческая душа, живая человеческая душа, искалечена на смерть. Все это было и раньше. Струилась вода фонтанов, чирикали воробьи под навесами крыш; так они чирикали вчера, так будут чирикать завтра. А он... он мертв.

Артур опустил на край кровати, скрестил руки на ее спинке и положил на них голову. Времени еще много – а у

него так болит голова, болит самый мозг... и все это так глупо, так бессмысленно...

У наружной двери резко прозвенел звонок. Артур вскочил, задыхаясь от ужаса, и поднес руки к горлу. Они вернулись, а он сидит тут и дремлет! Драгоценное время упущено, и теперь ему придется увидеть их лица, услышать жестокие, издевательские слова. Если бы под руками был нож!

Он с отчаянием оглядел комнату. В шифоньерке стояла рабочая корзинка его матери. Там должны быть ножницы. Он вскрыет вену. Нет, простыня и гвоздь вернее... только бы хватило времени.

Он сдернул с постели простыню и с лихорадочной быстротой начал отрывать от нее полосу. На лестнице раздались шаги. Нет, полоса слишком широка: не затянется – ведь нужно сделать петлю. Он спешил – шаги приближались. Кровь стучала у него в висках, гулко била в уши. Скорей, скорей! О боже, только бы пять минут!

В дверь постучали. Обрывок простыни выпал у него из рук, и он замер, затаил дыхание, прислушиваясь. Кто-то тронул снаружи ручку двери; послышался голос Джули:

– Артур!

Он встал, тяжело дыша.

– Артур, открой дверь, мы ждем.

Он схватил разорванную простыню, сунул ее в ящик комода и торопливо оправил постель.

– Артур! – Это был голос Джеймса. Он с нетерпением дер-

гал ручку. – Ты спишь?

Артур бросил взгляд по сторонам, убедился, что все в порядке, и отпер дверь.

– Мне кажется, Артур, ты мог бы исполнить мою просьбу и дождаться нашего прихода! – сказала взбешенная Джули, влетая в комнату. – По-твоему, так и следует, чтобы мы полчаса стояли за дверью?

– Четыре минуты, моя дорогая, – кротко поправил жену Джеймс, входя следом за ее розовым атласным шлейфом. – Я полагаю, Артур, что было бы куда приличнее...

– Что вам нужно? – прервал его юноша.

Он стоял, держась за дверную ручку, и, словно затравленный зверь, переводил взгляд с брата на Джули. Но Джеймс был слишком туп, а Джули слишком разгневана, чтобы заметить этот взгляд.

Мистер Бертон подставил жене стул и сел сам, аккуратно подтянув на коленях новые брюки.

– Мы с Джули, – начал он, – считаем своим долгом серьезно поговорить с тобой...

– Сейчас я не могу выслушать вас. Мне... мне нехорошо. У меня болит голова... Вам придется подождать.

Артур выговорил это странным, глухим голосом, то и дело запинаясь.

Джеймс с удивлением взглянул на него.

– Что с тобой? – спросил он тревожно, вспомнив, что Артур пришел из очага заразы. – Надеюсь, ты не болен? По-мо-

ему, у тебя лихорадка.

– Пустяки! – резко оборвала его Джули. – Обычное комедианство. Просто ему стыдно смотреть нам в глаза... Поди сюда, Артур, и сядь.

Артур медленно прошел по комнате и опустился на край кровати.

– Ну? – произнес он устало.

Мистер Бертон откашлялся, пригладил и без того гладкую бороду и начал заранее подготовленную речь:

– Я считаю своим долгом... своим тяжким долгом поговорить с тобой о твоем весьма странном поведении и о твоих связях с... нарушителями закона, с бунтовщиками, с людьми сомнительной репутации. Я убежден, что тобой руководило скорее легкомыслие, чем испорченность...

Он остановился.

– Ну? – снова сказал Артур.

– Так вот, я не хочу быть чрезмерно строгим, – продолжал Джеймс, невольно смягчаясь при виде той усталой безнадежности, которая сквозила в каждом слове Артура. – Я готов допустить, что тебя совратили дурные товарищи, и охотно принимаю во внимание твою молодость, неопытность, легкомыслие и... и впечатлительность, которую, боюсь, ты унаследовал от матери.

Артур медленно перевел глаза на портрет матери, но продолжал молчать.

– Ты, конечно, поймешь, – опять начал Джеймс, – что я

не могу держать в своем доме человека, который обесчестил наше имя, пользовавшееся таким уважением.

– Ну? – повторил еще раз Артур.

– Как! – крикнула Джули, с треском складывая свой веер и бросая его себе на колени. – Тебе нечего больше сказать, кроме этого «ну»?!

– Вы поступите так, как сочтете нужным, – медленно ответил Артур. – Мне все равно.

– Тебе все равно? – повторил Джеймс, пораженный этим ответом, а его жена со смехом поднялась со стула.

– Так тебе все равно!.. Ну, Джеймс, я надеюсь, теперь ты понимаешь, что благодарности нам ждать не приходится. Я предчувствовала, к чему приведет снисходительность к католическим авантюристам и к их...

– Тише, тише! Не надо об этом, милая.

– Глупости, Джеймс! Мы слишком долго сентиментальничали! И с кем – с каким-то незаконнорожденным ребенком, втершимся в нашу семью! Пусть знает, кто была его мать! Почему мы должны заботиться о сыне католического попа? Вот – читай!

Она вынула из кармана помятый листок бумаги и швырнула его через стол Артуру. Он развернул листок и узнал почерк матери. Как показывала дата, письмо было написано за четыре месяца до его рождения. Это было признание, обращенное к мужу. Внизу стояли две подписи.

Артур медленно переводил глаза со строки на строку, по-

ка не дошел до конца страницы, где после нетвердых букв, написанных рукой матери, стояла знакомая уверенная подпись: «Лоренцо Монтанелли». Несколько минут он смотрел на нее. Потом, не сказав ни слова, свернул листок и положил его на стол.

Джеймс поднялся и взял жену за руку:

– Ну, Джули, довольно, иди вниз. Уже поздно, а мне нужно переговорить с Артуром о делах, для тебя неинтересных.

Джули взглянула на мужа, потом на Артура, который молчал, опустив глаза.

– Он точно потерял рассудок, – пробормотала она.

Когда Джули, подобрав шлейф, вышла из комнаты, Джеймс затворил за ней дверь и вернулся к столу.

Артур сидел, как и раньше, не двигаясь и не говоря ни слова.

– Артур, – начал Джеймс более мягко, так как Джули уже не могла слышать его, – очень жаль, что все так вышло. Ты мог бы и не знать этого. Но ничего не поделаешь. Мне приятно видеть, что ты держишься с таким самообладанием. Джули немного разволновалась... Женщины вообще... Ну, оставим это. Я не хочу быть чрезмерно строгим...

Он замолчал, проверяя, какое впечатление произвела на Артура его мягкость, но Артур оставался по-прежнему неподвижным.

– Конечно, дорогой мой, это весьма печальная история, – продолжал Джеймс после паузы, – и самое лучшее не гово-

рять о ней. Мой отец был настолько великодушен, что не развелся с твоей матерью, когда она призналась ему в своем падении. Он только потребовал, чтобы человек, совративший ее, сейчас же оставил Италию. Как ты знаешь, он отправился миссионером в Китай. Лично я был против того, чтобы ты встречался с ним, когда он вернулся. Но мой отец разрешил ему заниматься с тобой, поставив единственным условием, чтобы он не пытался видеться с твоей матерью. Надо отдать им должное – они до конца оставались верны этому условию. Все это очень прискорбно, но...

Артур поднял голову. Его лицо было безжизненно, это была восковая маска.

– Не кажется ли в-вам, – проговорил он тихо и почему-то заикаясь, – что все это у-ди-ви-тельно забавно?

– *Забавно?* – Джеймс вместе со стулом отодвинулся от стола и, даже забыв рассердиться, в изумлении посмотрел на Артура. – *Забавно?* Артур! Ты сошел с ума!

Артур вдруг запрокинул голову и разразился неистовым хохотом.

– Артур! – воскликнул судовладелец, с достоинством поднимаясь со стула. – Твое легкомыслие меня изумляет.

Вместо ответа послышался новый взрыв хохота, настолько безудержного, что Джеймс начал сомневаться, не было ли тут чего-нибудь большего, чем простое легкомыслие.

– Точно истеричная девица, – пробормотал он и, презрительно передернув плечами, нетерпеливо зашагал взад и впе-

ред по комнате. — Право, Артур, ты хуже Джули. Перестань смеяться! Не могу же я сидеть здесь целую ночь!

С таким же успехом он мог бы обратиться к распятию и попросить его сойти с пьедестала. Артур был глух к увещаниям. Он смеялся, смеялся, смеялся без конца.

— Это дико, — проговорил Джеймс, остановившись. — Ты, очевидно, слишком взволнован и не можешь рассуждать здраво. В таком случае я не стану говорить с тобой о делах. Зайди ко мне утром после завтрака. А сейчас ложись лучше спать. Спокойной ночи!

Джеймс вышел, хлопнув дверью.

— Теперь предстоит сцена внизу, — бормотал он, спускаясь по лестнице. — И полагаю, с истерикой.

Безумный смех замер на губах Артура. Он схватил со стола молоток и кинулся к распятию.

После первого же удара он пришел в себя. Перед ним стоял пустой пьедестал, молоток был еще у него в руках. Обломки разбитого распятия валялись на полу. Артур швырнул молоток в сторону.

— Только и всего! — сказал он и отвернулся. — Какой я идиот!

Задышавшись, он опустился на стул и сжал руками виски. Потом встал, подошел к умывальнику и вылил себе на голову кувшин холодной воды. Немного успокоившись, он вернулся на прежнее место и задумался.

Из-за этих лживых, рабских душонок, из-за этих немых и бездушных богов он вытерпел все муки стыда, гнева и отчаяния! Приготовил петлю, думал повеситься, потому что один служитель церкви оказался лжецом. Как будто не все они лгут! Довольно, с этим покончено! Теперь он станет умнее. Нужно только стряхнуть с себя эту грязь и начать новую жизнь. В доках немало торговых судов; разве трудно спрятаться на одном из них и уехать куда глаза глядят – в Канаду, в Австралию, в Южную Африку! Неважно, куда ехать, лишь бы подальше отсюда. Не понравится в одном месте – можно будет перебраться в другое.

Он вынул кошелек. Только тридцать три паоло¹⁴. Но у него есть еще дорогие часы. Их можно будет продать. И вообще это неважно: лишь бы продержаться первое время. Но эти люди начнут искать его, станут расспрашивать о нем в доках. Нет, надо навести их на ложный след. Пусть думают, что он умер. И тогда он свободен, совершенно свободен. Артур тихо засмеялся, представив себе, как Бертоны будут разыскивать его тело. Какая комедия!

Он взял листок бумаги и написал первое, что пришло в голову:

Я верил в вас, как в бога. Но бог – это глиняный идол, который можно разбить молотком, а вы лгали мне всю жизнь.

¹⁴ Паоло – серебряная итальянская монета.

Он сложил листок, адресовал его Монтанелли и, взяв другой, написал:

Ищите мое тело в Дарсене.

Потом надел шляпу и вышел из комнаты. Проходя мимо портрета матери, он посмотрел на него, усмехнулся и пожал плечами. Она ведь тоже лгала ему!

Он неслышно прошел по коридору, отодвинул засов у двери и очутился на широкой мраморной лестнице, отзывавшейся эхом на каждый шорох. Она зияла у него под ногами, словно черная яма.

Он перешел двор, стараясь ступать как можно тише, чтобы не разбудить Джаана Баттисту, который спал в нижнем этаже. В деревянном сарае, стоявшем в конце двора, было решетчатое окошко. Оно смотрело на канал и приходилось над землей на уровне примерно четырех футов. Артур вспомнил, что ржавая решетка с одной стороны поломана. Легким ударом можно будет расширить отверстие настолько, чтобы пролезть в него.

Однако решетка оказалась прочной. Он исцарапал себе руки и порвал рукав. Но это пустяки. Он оглядел улицу: на ней никого не было. Черный безмолвный канал уродливой щелью тянулся между отвесными скользкими стенами. Беспросветной ямой мог оказаться неведомый мир, но вряд ли

в нем будет столько пошлости и грязи, сколько остается позади. Не о чем пожалеть, не на что оглянуться. Жалкий мирок, полный низкой лжи и грубого обмана, – стоячее болото, такое мелкое, что в нем нельзя даже утонуть.

Артур вышел на набережную, потом свернул на маленькую площадь у дворца Медичи¹⁵. Здесь Джемма подбежала к нему, с такой живостью протянув ему руки. Вот мокрые каменные ступеньки, что ведут к воде. А вот и крепость хмурится по ту сторону грязного канала. Он и не подозревал до сих пор, что она такая приземистая, нескладная.

По узким улицам он добрался до Дарсены, снял шляпу и бросил ее в воду. Шляпу, конечно, найдут, когда будут искать труп. Он шел по берегу, с трудом соображая, что же делать дальше. Нужно пробраться на какое-нибудь судно. Сделать это нелегко. Единственное, что можно придумать, – это выйти к громадному старому молу Медичи. В дальнем конце его есть захудалая таверна. Может быть, посчастливится встретить там какого-нибудь матроса и подкупить его.

Ворота дока были заперты. Как же быть, как миновать таможенных чиновников? С такими деньгами нечего и думать дать взятку за пропуск ночью, да еще без паспорта. К тому же его могут узнать.

Когда он проходил мимо бронзового памятника Четырех Мавров¹⁶, из старого дома на противоположной стороне

¹⁵ *Медичи* – старинный род правителей Флоренции.

¹⁶ Памятник тосканскому герцогу Фернандо I в Ливорно, у пьедестала которого

вышел какой-то человек. Он приближался к мосту. Артур скользнул в густую тень памятника и, прижавшись к нему в темноте, осторожно выглянул из-за пьедестала.

Была весенняя ночь, теплая и звездная. Вода плескалась о каменный мол и с тихим, похожим на смех журчаньем подбегала к ступенькам. Где-то вблизи, медленно качаясь, скрипела цепь. Громадный подъемный кран уныло торчал в темноте. Под блещущим звездами небом, подернутым жемчужными облаками, чернели силуэты четырех закованных рабов, тщетно взывающих к жестокой судьбе.

Человек брел по берегу нетвердыми шагами, распевая во все горло уличную английскую песню. Это был, очевидно, матрос, возвращавшийся из таверны после попойки. Кругом никого не было. Когда он подошел поближе, Артур вышел на середину дороги. Матрос, выругавшись, оборвал свою песню и остановился.

– Мне нужно с вами поговорить, – сказал Артур по-итальянски. – Вы понимаете меня?

Матрос покачал головой:

– Ни слова не разбираю из вашей тарабарщины. – И затем, перейдя вдруг на ломаный французский, сердито спросил: – Что вам от меня нужно? Что вы стали поперек дороги?

– Отойдемте на минутку в сторону. Мне нужно с вами поговорить.

– Еще чего! Отойди в сторону! При вас нож?

– Нет, нет, что вы! Разве вы не видите, что мне нужна ваша помощь? Я вам заплачу.

– Ишь ты, а разodelся-то каким франтом! – проворчал матрос по-английски и, отойдя в тень, прислонился к ограде памятника.

– Ну? – заговорил он опять на своем ужасном французском языке. – Что же вам нужно?

– Мне нужно уехать отсюда.

– Вот оно что! Зайцем! Хотите, чтобы я вас спрятал? Натворили каких-нибудь дел? Зарезали кого-нибудь? Иностранцы все такие. Куда же вы собираетесь бежать? Уж, верно, не в полицейский участок?

Он засмеялся пьяным смехом и подмигнул Артуру.

– С какого вы судна?

– С «Карлотты». Ходит из Ливорно в Буэнос-Айрес. В одну сторону перевозит масло, в другую – кожи. Вон она! – И матрос ткнул пальцем в сторону мола. – Отвратительная старая посудина.

– Буэнос-Айрес! Спрячьте меня где-нибудь на вашем судне.

– А сколько дадите?

– Не очень много. У меня всего несколько паоло.

– Нет. Меньше пятидесяти не возьму. И то дешево для такого франта, как вы.

– Какой там франт! Если вам приглянулось мое платье, можете поменяться со мной. Не могу же я вам дать больше

того, что у меня есть.

– А вы, наверно, при часах? Давайте-ка их сюда.

Артур вынул дамские золотые часы с эмалью тонкой работы и с инициалами «Г.Б.» на задней крышке. Это были часы его матери. Но какое это имело значение теперь?

– А! – воскликнул матрос, быстро оглядывая их. – Краденые, конечно? Дайте посмотреть!

Артур отдернул руку.

– Нет, – сказал он. – Я отдам вам эти часы, когда мы будем на судне, не раньше.

– Оказывается, вы не дурак! И все-таки держу пари – первый раз попали в беду. Ведь верно?

– Это мое дело. Смотрите: сторож!

Они присели за памятником и переждали, пока сторож пройдет. Потом матрос поднялся, велел Артуру следовать за собой и пошел вперед, глупо посмеиваясь. Артур молча шагал сзади.

Матрос вывел его снова на маленькую, неправильной формы площадь у дворца Медичи, остановился в темном углу и пробубнил, полагая, очевидно, что это и есть осторожный шепот:

– Подождите тут, а то вас солдаты увидят.

– Что вы хотите делать?

– Раздобуду кое-какое платье. Не брать же вас на борт с окровавленным рукавом.

Артур взглянул на свой рукав, разорванный о решетку ок-

на. В него впиталась кровь с поцарапанной руки. Очевидно, этот человек считает его убийцей. Ну что ж! Не так уж теперь важно, что о нем думают!

Матрос вскоре вернулся. Вид у него был торжествующий, он нес под мышкой узел.

– Переоденьтесь, – прошептал он, – только поскорее. Мне надо возвращаться на корабль, а старьевщик торговался, задержал меня на полчаса.

Артур стал переодеваться, с дрожью отвращения касаясь поношенного платья. По счастью, оно оказалось более или менее чистым. Когда он вышел на свет, матрос посмотрел на него и с пьяной важностью кивнул головой в знак одобрения.

– Сойдет, – сказал он. – Пошли! Только тише!

Захватив скинутое платье, Артур пошел следом за матросом через лабиринт извилистых каналов и темных, узких переулков тех средневековых трущоб, которые жители Ливорно называют «Новой Венецией». Среди убогих лачуг и грязных дворов кое-где одиноко высились мрачные старые дворцы, тщетно пытавшиеся сохранить свою древнюю величавость. В некоторых переулках были притоны воров, убийц и контрабандистов; в других ютилась беднота.

Матрос остановился у маленького мостика и, осмотревшись по сторонам, спустился по каменным ступенькам к узкой пристани. Под мостом покачивалась старая, грязная лодка. Он грубо приказал Артуру прыгнуть в нее и лечь на дно, а сам сел на весла и начал грести к выходу в гавань. Артур

лежал, не шевелясь, на мокрых, скользких досках, под одеждой, которую набросил на него матрос, и украдкой смотрел на знакомые дома и улицы.

Лодка прошла под мостом и очутилась в той части канала, над которой стояла крепость. Массивные стены, широкие в основании и переходящие вверху в узкие мрачные башни, вздымались над водой. Какими могучими, какими грозными казались они ему несколько часов назад! А теперь... Он тихо засмеялся, лежа на дне лодки.

– Молчите, – буркнул матрос, – не поднимайтесь. Мы у таможни.

Артур укрылся с головой. Лодка остановилась перед скованными цепью мачтами, которые лежали поперек канала, загораживая узкий проход между таможней и крепостью. Из таможни вышел сонный чиновник с фонарем и, зевая, нагнулся над водой:

– Предъявите пропуск.

Матрос сунул ему свои документы. Артур, стараясь не дышать, прислушивался к их разговору.

– Нечего сказать, самое время возвращаться на судно, – ворчал чиновник. – С кутежа, наверно? Что у вас в лодке?

– Старое платье. Купил по дешевке.

С этими словами он подал для осмотра жилет Артура. Чиновник опустил фонарь и нагнулся, напрягая зрение:

– Ладно. Можете ехать.

Он поднял перекладину, и лодка тихо поплыла дальше,

покачиваясь на темной воде. Выждав немного, Артур сел и сбросил укрывавшее его платье.

– Вот он, мой корабль, – шепотом проговорил матрос. – Идите следом за мной и, главное, молчите.

Он вскарабкался на палубу громоздкого темного чудовища, поругивая тихонько «неуклюжую сухопутную публику», хотя Артур, всегда отличавшийся ловкостью, меньше чем кто-либо заслуживал такой упрек. Поднявшись на корабль, они осторожно пробрались меж темных снастей и блоков и наконец подошли к трюму. Матрос тихонько приподнял люк.

– Полезайте вниз! – прошептал он. – Я сейчас вернусь.

В трюме было не только сыро и темно, но и невыносимо душно. Артур невольно попятился, задыхаясь от запаха сырых кож и прогорклого масла. Но тут ему припомнился карцер, и, пожав плечами, он спустился по ступенькам. Видимо, жизнь повсюду одинакова: грязь, мерзость, постыдные тайны, темные закоулки. Но жизнь есть жизнь – и надо брать от нее все, что можно.

Скоро матрос вернулся, неся что-то в руках, – что именно, Артур не разглядел.

– Теперь давайте деньги и часы. Скорее!

Артур воспользовался темнотой и оставил себе несколько монет.

– Принесите мне чего-нибудь поесть, – сказал он. – Я очень голоден.

– Принес. Вот, держите.

Матрос передал ему кувшин, несколько твердых, как камень, сухарей и кусок солонины.

– Теперь вот что. Завтра поутру придут для осмотра таможенные чиновники. Спрячьтесь в пустой бочке. Лежите смирно, как мышь, пока мы не выйдем в открытое море. Я скажу, когда можно будет вылезть. А попадетесь на глаза капитану – пеняйте на себя. Ну, все! Питье не прольете? Спокойной ночи.

Люк закрылся. Артур осторожно поставил кувшин с драгоценной водой и, присев у пустой бочки, принялся за солонину и сухари. Потом лег на грязный пол и в первый раз с младенческих лет заснул, не помолившись. В темноте вокруг него бегали крысы. Но ни их неугомонный писк, ни покачивание корабля, ни тошнотворный запах масла, ни ожидание неминуемой морской болезни – ничто не могло потревожить сон Артура. Все это не беспокоило его больше, как не беспокоили его теперь и разбитые, развенчанные идолы, которым он еще вчера поклонялся.

Часть вторая

Тринадцать лет спустя

Глава I

В один из июльских вечеров 1846 года во Флоренции, в доме профессора Фабрицци, собралось несколько человек, чтобы обсудить план предстоящей политической работы.

Некоторые из них принадлежали к партии Мадзини и не мирились на меньшем, чем демократическая республика и объединенная Италия. Другие были сторонники конституционной монархии и либералы разных оттенков. Но все сходилось в одном – в недовольстве тосканской цензурой. Известный профессор Фабрицци созвал собрание, в надежде, что, может быть, хоть этот вопрос представители различных партий смогут обсудить без особых препирательств.

Прошло только две недели с тех пор, как *papa Пий IX*, взойдя на престол, даровал столь нашумевшую амнистию политическим преступникам в Папской области, но волна либерального восторга, вызванная этим событием, уже катилась по всей Италии. В Тоскане папская амнистия оказала воздействие даже на правительство. Профессор Фабрицци и еще кое-кто из лидеров политических партий во Флоренции сочли момент наиболее благоприятным для того, чтобы добиться проведения реформы законов о печати.

– Конечно, – заметил драматург Лега, когда ему сказали об этом, – невозможно приступить к изданию газеты до изменения нынешних законов о печати. Надо задержать пер-

вый номер. Но, может быть, нам удастся провести через цензуру несколько памфлетов. Чем раньше мы это сделаем, тем скорее добьемся изменения закона.

Сидя в кабинете Фабрици, он излагал свою точку зрения относительно той позиции, какую должны были, по его мнению, занять теперь писатели-либералы.

– Само собой разумеется, что мы обязаны использовать момент, – заговорил тягучим голосом один из присутствующих, седовласый адвокат. – В другой раз уже не будет таких благоприятных условий для проведения серьезных реформ. Но едва ли памфлеты окажут благотворное действие. Они только ожесточат и напугают правительство и уж ни в коем случае не расположат его в нашу пользу. А ведь именно этого мы и добиваемся. Если власти составят о нас представление как об опасных агитаторах, нам нечего будет рассчитывать на содействие с их стороны.

– В таком случае что же вы предлагаете?

– Петицию.

– Великому герцогу?¹⁷

– Да, петицию о расширении свободы печати.

Сидевший у окна брюнет с живым, умным лицом засмеялся, оглянувшись на него.

– Многого вы добьетесь петициями! – сказал он. – Мне казалось, что дело Ренци излечило вас от подобных иллюзий.

– Синьор! Я не меньше вас огорчен тем, что нам не уда-

¹⁷ Леопольд II, герцог Тосканский.

лось помешать выдаче Ренци¹⁸. Мне не хочется обижать присутствующих, но все-таки я не могу не отметить, что мы потерпели неудачу в этом деле главным образом вследствие нетерпеливости и горячности кое-кого из нас. Я, конечно, не решился бы...

– Нерешительность – отличительная черта всех пьемонтцев, – резко прервал его брюнет. – Не знаю, где вы обнаружили нетерпеливость и горячность. Уж не в тех ли осторожных петициях, которые мы посылали одну за другой? Может быть, это называется горячностью в Тоскане и Пьемонте, но никак не у нас в Неаполе.

– К счастью, – заметил пьемонтец, – неаполитанская горячность присуща только Неаполю.

– Перестаньте, господа! – вмешался профессор. – Хороши по-своему и неаполитанские нравы и пьемонтские. Но сейчас мы в Тоскане, а тосканский обычай велит не отвлекаться от сути дела. Грассини голосует за петицию, Галли – против. А что скажете вы, доктор Риккардо?

– Я не вижу ничего плохого в петиции, и если Грассини составит ее, я подпишусь с большим удовольствием. Но мне все-таки думается, что одними петициями многого не достигнешь. Почему бы нам не прибегнуть и к петициям и к памфлетам?

¹⁸ *Ренци Пьетро* (1807–1882) – вождь восстания в Папской области в январе 1846 года. После того как восстание было подавлено, тосканское правительство выдало Ренци папе.

– Да просто потому, что памфлеты восстановят правительство против нас и оно не посчитается с нашими петициями, – сказал Грассини.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.